

СОДЕРЖАНИЕ

I

А. Д. Шмелев

Проспект «Свода правил русской орфографии»
в свете принципа интегральности.....7

II

В. А. Плунгян

Был ли в славянских языках прогрессив?.....19

М. Н. Шевелева

О глаголе **ѣти** и конструкциях **имѹ** + инфинитив
по данным древнерусских памятников.....31

Я. А. Пенькова

К вопросу о грамматикализации глагола **СТАТИ**
в истории русского языка 51

Е. А. Мишина

О варьировании презентных форм совершенного
и несовершенного видов в тексте уставного типа
(на примере Студийского устава).....73

А. П. Майоров

Грамматическая идиоматизация падежных форм
мн. ч. существительных в канцелярском узусе
русского языка XVIII века 99

Т. В. Пентковская

Инфинитивные конструкции в Коране 1716 г. 115

III

Л. В. Куркина

О некоторых глаголах эмоциональной сферы
в «Житии Андрея Юродивого» 135

<i>Ж. Ж. Варбот</i>	
К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением 'пахать, копать' на базе русских диалектизмов	149
<i>А. Ф. Журавлёв</i>	
<i>Огорошить</i>	153
<i>Е. Л. Березович</i>	
К этимологии русской лексики со значением жизненных сил	169
<i>А. Е. Аникин</i>	
Из заимствованной русской лексики.....	189
<i>Р. Н. Кривко</i>	
Славянский <i>ходатан</i> и германский <i>wegāri</i>	199
<i>М. С. Мушинская</i>	
К вопросу о влиянии патристической экзегезы на первый славянский перевод Псалтыри: на примере <i>въскръснѣти</i>	215
<i>И. С. Юрьева</i>	
Особенности употребления временных союзов со значением 'когда' в древнерусских текстах разных жанров	246
<i>А. А. Пичхадзе</i>	
<i>Жаль</i> и родственные слова в оригинальной древнерусской письменности: семантика и дискурс	267
<i>Ю. В. Кагарлицкий</i>	
<i>Постоянство</i> : слово и понятие в истории русского языка и в культурно-языковом обиходе XVII века	282
<i>Е. Э. Бабаева</i>	
Становление понятия <i>подросток</i> в зеркале русского языка.....	307
<i>Helmut Keipert</i>	
<i>Здрáвствуй стéрь</i> und die „Formulae Loquendi“ des Elias Koriĵewitz (1706)	328
<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский</i>	
Вокруг некоторых фамилий в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (Опыт историко-ономастического комментария)	343

- И. А. Корнилаева*
Русский с церковнославянским: союз *то есть*..... 349
- Д. О. Добровольский, Г. И. Кустова*
Русские дистрибутивные конструкции типа *кто куда*:
когнитивные стереотипы и межъязыковые соответствия..... 357

IV

- Д. В. Сичинава*
Из истории изучения древнерусской эпиграфики:
неизданные рецензия и заметки Л. П. Жуковской..... 378
- А. А. Гиппиус, С. М. Михеев*
Олтарь пламѣнь, а църькы ледѣна — чьто же то? 392
- П. В. Петрухин*
Письмо Стойнега к матери
(К переводу новгородской берестяной грамоты № 384) 403
- Н. П. Антропов*
«Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний
модели *telt 413
- Марина А. Бобрик*
Надписи на иконе Параскевы-Пятницы
из старого Успенского собора Рязанского кремля 432

V

- Йоханнес Райнхарт*
Славянский перевод «Откровения Авраама»
и его история в Болгарии и в Древней Руси..... 446
- Алессандро Мария Бруни*
Новые источники для текстологического изучения
славянской традиции слов Григория Назианзина 460
- К. В. Вершинин*
Первая редакция славянского перевода Жития
Феодора Эдесского 473
- Д. Г. Полонский*
Литературные спутники митрополита Илариона:
к вопросу об особенностях распространения
младших редакций «Слова о законе и благодати»
в сборниках XV–XVI вв. 485

<i>А. А. Алексеев, Е. Л. Алексеева</i>	
Интерполяции Иудейской войны как стилевой индикатор	501
<i>И. И. Макеева</i>	
К вопросу о первоначальном тексте и редактировании Кормчей ранней русской редакции.....	508
<i>Г. С. Баранкова</i>	
О существовании особой редакции Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского в Южной и Западной Руси	523
<i>А. М. Пентковский</i>	
«Слово аскетическое» Диадоба Фотикийского в славянской письменности	543

VI

<i>А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева</i>	
«Словесное древо»: церковнославянский язык в творчестве Вячеслава Иванова	580

А. Д. Шмелев

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

ПРОСПЕКТ
«СВОДА ПРАВИЛ
РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ»
В СВЕТЕ ПРИНЦИПА
ИНТЕГРАЛЬНОСТИ

Вступительные замечания

Статья посвящена общим принципам, положенным в основу работы над полным сводом правил русской орфографии (эта работа ведется в отделе культуры русской речи Института русского языка РАН; в настоящее время подготовлен проспект свода). Кроме того, рассматриваются некоторые проблемы, которые возникали в процессе работы. Сразу можно перечислить основные положения, которые удалось выработать к настоящему моменту. Это: (1) единые принципы кодификации норм в области правописания и прочих языковых норм; (2) необходимость согласованности орфографических правил; (3) осознание различия орфографических норм и орфографических правил и, соответственно, различия связанных с ними проблем; (4) необходимость электронной формы представления свода.

Первое положение предполагает, что принципы кодификации, положенные в основу кодификации всех языковых норм, включая нормы правописания, должны быть одними и теми же. Иными словами, нет непроходимой границы между нормами правописания и другими видами языковых норм. При кодификации норм нельзя опираться исключительно на узус, даже на узус образованных носителей языка. С другой стороны, кодификатор не должен принимать решения, исходя исключительно из своей интуиции, которая может расходиться с интуицией других образованных носителей языка.

Второе положение требует согласованности орфографических норм, причем следует различать внутреннюю и внешнюю согласованность. Внутренняя согласованность предполагает, что разные правила не должны противоречить друг другу и требовать разных написаний одного и того же языкового выражения. Внешняя согласованность предполагает, что орфографические правила не должны

противоречить общепринятым представлениям за их пределами: используемая в них терминология должна соответствовать общепринятой лингвистической терминологии (хотя бы в рамках школьной грамматики), формулировки не должны противоречить орфоэпической и грамматической кодификации.

Третье положение требует понимания соотношения между орфографическими нормами и орфографическими правилами. Орфографические нормы характеризуют то или иное написание как правильное или неправильное. Орфографические правила носят вспомогательный характер: они помогают пишущему, не знающему, какова орфографическая норма в каком-то конкретном случае, определить ее, опираясь на правила. Поэтому, прежде чем формулировать орфографическое правило, необходимо выявить норму, которую оно должно описывать. В случае, когда норма не устоялась, целесообразно не вводить жестких правил, однозначно закрепляющих одно из возможных написаний, а ограничиться мягкими рекомендациями.

Четвертое положение основано на том, что только современные способы электронного хранения информации позволяют представить свод орфографических правил с надлежащей полнотой. В частности, свод правил должен включать правила практической транскрипции иностранных слов. К своду правил должен быть приложен указатель, представляющий собою орфографический словарь в полном объеме, причем в этом указателе при каждом слове должна быть сделана отсылка к правилу или правилам, которые регулируют написание этого слова. Такой словарь должен, среди прочего, включать основные собственные имена, встречающиеся в русских текстах (по крайней мере, в объеме энциклопедического словаря), в том числе те иностранные по происхождению имена собственные, которые традиционно передаются по-русски с отклонениями от правил практической транскрипции. Вся необходимая информация должна выдаваться по запросу пользователя. Понятно, что при издании свода правил в традиционном, бумажном виде значительной частью информации придется пожертвовать.

Далее указанные положения будут рассмотрены подробнее.

Нормы правописания в ряду языковых норм: общие принципы кодификации

Нет непроходимой границы между нормами правописания и другими видами языковых норм: принципы кодификации, положенные в основу кодификации всех языковых норм, включая нормы правописания.

сания, должны быть одними и теми же. Нельзя опираться исключительно на узус, поскольку в узусе могут быть распространенными явления, которые образованные носители языка единодушно считают «неправильными». При этом часто именно такие «неправильности» ярко иллюстрируют отсутствие принципиальных различий между орфографическими и «собственно языковыми» нормами.

Так, в современной речи регулярно смешиваются частицы *не* и *ни* (чаще *не* используется вместо *ни*, но бывает и наоборот). Об этом свидетельствует огромное множество примеров из Основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка»), в которых употреблено *не* вместо *ни*, даже если рассматривать только примеры из книг и журналов, не учитывая записи в социальных сетях, на форумах и чатах. Еще более частотны такие примеры в газетном подкорпусе «Национального корпуса русского языка» (не привожу примеров именно в силу их многочисленности).

Когда рассматриваемая частица находится не под ударением, можно было бы констатировать, что во всех этих случаях допущены грубые орфографические ошибки. Но использование *не* вместо *ни* нередко встречается и под ударением, и тогда получается, что ошибка не орфографическая, а речевая. Заметим, что в живой речи эта ошибка встречалась уже довольно давно, но обычно она не попадала в письменные редактированные тексты, поскольку исправлялась редакторами или корректорами. В научно-популярной книге о русской орфографии приводится целый ряд примеров стихотворений, в которых авторы очевидным образом писали в уступительных конструкциях *не был* вместо *ни был* (об этом свидетельствуют рифмы), *не пил* вместо *ни пил* (об этом свидетельствует стихотворный размер) [Панов 1964], а редакторы или корректоры исправляли «неправильное» написание. Существенно, что М. В. Панов без каких бы то ни было сомнений готов считать примеры авторского написания речевыми ошибками и, соответственно, написание в таких конструкциях *не* вместо *ни* — орфографическими ошибками.

В настоящее время написание такого рода стали обычными и в текстах, которые, предположительно, подверглись редактированию и корректуре. По-видимому, сторонники бескомпромиссного корпусного подхода имеют основания признать такие употребления в качестве нового грамматически приемлемого способа оформления уступительных конструкций. Но тогда нельзя будет считать ошибкой и использование *не* вместо *ни* и в позиции без ударения. Однако реальность состоит в том, что большинство образованных носи-

телей русского языка все же склонны признать такое употребление «неправильным», даже если оно встречается в их собственной речи (тогда они готовы «исправиться»). Более того, изредка встречающееся написание *ни* вместо *не*, скорее всего, представляет собою результат такой же гиперкоррекции: пишущий знает, что в конструкциях с *к*-местоимением следует употреблять *ни*, хотя в его собственной речи в таких конструкциях может встретиться *не*, и заменяет *не* на *ни*, когда этого делать как раз не следовало.

Приведу относительно недавний пример. В переписке Лидии Чуковской с Александром Солженицыным (опубликованной в первом выпуске «Солженицынских тетрадей») в письме Лидии Чуковской от 2–5 апреля 1975 г. было напечатано: «Кто только ни хлопотал о моем муже!» — т. е. было напечатано *ни* вместо правильного *не* [Немзер 2012: 83]. Я не знаю, описка ли это Лидии Корнеевны или опечатка возникла вследствие редакторской правки (я сразу же написал об этом Н. Д. Солженицыной). В любом случае очевидна гиперкоррекция, и не случайно эта опечатка была исправлена во втором выпуске «Солженицынских тетрадей» (в списке «опечаток, замеченных в вып. 1») [Немзер 2013].

В любом случае очевидно, что «собственно языковая» и орфографическая кодификация здесь должны идти рука об руку: непризнание написания *не* вместо *ни* (и наоборот) нормативным обусловлено непризнанием нормативным произношения *не* вместо *ни* под ударением.

Согласованность правил

Кажется очевидным, что разные пункты орфографических правил не должны друг другу противоречить, т. е. должна иметь место внутренняя согласованность орфографических правил. Кроме того, орфографические правила должны быть согласованы с орфографическим словарем, который, по существу, представляет собою необходимое дополнение к правилам (формулировка целого ряда правил предполагает непосредственную отсылку к словарю, например фразу «написание определяется по словарю»). В частности, некоторые языковые единицы упоминаются в разных разделах правил: слова *держиморда* и *перекати-поле* (в разделе, посвященном написанию соединительных гласных, и в разделе о слитном, дефисном и раздельном написании), имена собственные *Д'Аламбер* и *д'Артаньян* (в разделе, посвященном именам с апострофом, и в разделе о написании строчных и пропис-

ных букв в заимствованных именах собственных). Иногда по невниманию это требование не выполняется. Так, полный академический справочник предписывает написание *АиФ* (газета «Аргументы и факты») [Лопатин 2007: 194], а вышедший одновременно с ним орфографический словарь «Прописная или строчная?», который предваряется соответствующим разделом указанного справочника и тоже предписывает написание *АиФ* [Лопатин, Нечаева, Чельцова 2007: 39], в своей основной части приводит указание *аифовский* с комментарием: «от **АиФ** — “Аргументы и факты”» [Там же: 47].

Наряду с внутренней согласованностью правил, необходимо стремиться и к внешней согласованности, которая предполагает, что формулировка орфографических правил не должна противоречить общепринятым представлениям за пределами орфографии. В частности, используемая в них терминология должна соответствовать общепринятой лингвистической терминологии (хотя бы в рамках школьной грамматики). В существующих пособиях и справочниках по орфографии нередко обнаруживаются отклонения от этого принципа. Так, когда-то в авторитетном пособии для поступающих в вузы формулировалось следующее правило написания корня *раст-* — *рос-*: «В корне *раст-* — *рос-* пишется *а* перед следующим *ст* (также перед *щ*), а в остальных случаях — *о* (*растение* — *наращение*, *выросший*)», и дается список исключений: «*отрасль*, *росток*, *ростовщик*, *Ростов*, *Ростислав*» [Розенталь 1988: 23]. Но очевидно, что для современного языка в именах собственных *Ростов* и *Ростислав* нет корня *рост*, и этот корень неправильно было бы выделять при морфемном разборе слова! С другой стороны, в том же правиле в качестве исключения не упоминалось слово *подростковый*. По-видимому, это было связано с тем, что единственно нормативным предполагалось произношение с ударением на корне — *подрóстковый*, так что здесь мы могли бы видеть пример согласованности орфографической и орфоэпической кодификации. В самом деле, не предполагается, что мы можем проверять безударные гласные в корне слов *платить*, *трясти*, *запрягать* при помощи форм *плотит*, *трёс*, *запречь*. Общий принцип состоит в том, что просторечные формы для орфографии не релевантны (хотя форма *запречь* встречается в рифме у Пушкина). Но в настоящее время произношение *подросткóвый* с ударением на третьем слоге признано нормативным в большинстве орфоэпических словарей и справочников, а на самом деле оно было широко распространено и в 1980-е и многими образованными носителями языка восприни-

малось как нормативное. Если в словаре [Агеенко, Зарва 1984] ударение *подрóстковый* еще дано в качестве единственно возможного, то в словаре [Еськова 2015] наряду с ударением *подрóстковый* приводится и ударение *подростко́вый* с пометой *допуст.*, а в словаре [Резниченко 2010] оба ударения приведены как равноправные варианты (оба варианта указаны и в «Грамматическом словаре» [Зализняк 2008]).

Орфографические нормы и орфографические правила

Кодификация орфографии невозможна без правильного понимания соотношения между орфографическими нормами и орфографическими правилами. Орфографические нормы характеризуют то или иное написание как правильное или неправильное, тогда как орфографические правила носят вспомогательный характер: они помогают пишущему, не знающему, какова орфографическая норма в каком-то конкретном случае, определить ее, опираясь на правила.

Так, в русском языке действует следующая норма, касающаяся наличия или отсутствия *ь* после шипящих на конце неизменяемых слов (наречий, предлогов, частиц): в словах *настежь, вскачь, навзничь, невмочь, прочь, напрочь, ишь, лишь, вишь, бишь, наотмашь, сплошь* буква *ь* пишется, а в словах *аж, меж, невтерпёж, уж, замуж* — нет. Описать эту норму можно посредством разных правил.

В своде [Правила 1956] эта орфографическая норма регулировалась следующим образом:

§ 75. После шипящих (*ж, ч, ш, щ*) буква *ь* пишется только в следующих случаях:

...

б. Во всех наречиях после конечных *ш* и *ч*, например: *сплошь, вскачь, прочь*, а также в наречии *настежь*.

Иными словами, предполагалось, что *ь* не пишется после *ж*, за исключением наречия *настежь*. Частицы и предлоги при этом не упоминались, что вполне естественно: определить точную частеречную принадлежность словоформ *аж* или *уж* не так просто. Однако если выйти за пределы общеизвестной лексики, то окажется, что данное правило плохо описывает орфографическую реальность, т. е. орфографическую норму. Так, в словаре Даля находим наречие *оберег* с вариантом *обережь*, которое характеризуется как народное и толкуется: «близ берега, берегом, землю или водою, но более по воде» с примером «держи *обережь*, правь судном ближе к берегу» [Даль

1935: 596]. Более того, наречие *обережь* содержится и в «Грамматическом словаре» [Зализняк 2008], и в академическом орфографическом словаре [Лопатин, Иванова 2018]. Очевидно, что орфографическая норма требует писать на конце этого наречия *ь*, тогда как [Правила 1956] ей противоречат. Таким образом, есть основание ввести требование «полноты»: хорошее орфографическое правило охватывает и те случаи, которые, может быть, и не были в поле зрения его автора, когда он его формулировал.

Соответственно, разумно различать два типа орфографических проблем, подлежащих анализу кодификатора. Во-первых, это может быть неустановленная норма, когда грамотные члены языкового сообщества, знакомые с рекомендациями справочников и словарей, расходятся во мнениях относительно того, как следует писать то или иное языковое выражение. Многие из них, вероятно, будут готовы принять любое решение кодификаторов. Однако не исключена ситуация, когда у каждого из конкурирующих написаний найдется значительное число бескомпромиссных сторонников (как в случае конкуренции написаний *Лисабон* vs. *Лиссабон*). В этом случае бессмысленно пытаться найти правило, описывающее орфографическую норму, поскольку нормы как таковой просто нет. Во-вторых, мы можем иметь дело с вполне устоявшейся нормой, для описания которой необходимо найти точное правило, не допускающее двояких толкований (как в случае с наличием или отсутствием *ь* после шипящих на конце неизменяемых слов). Тогда необходимо найти такую формулировку правила, которая позволит охватить все трудные случаи и учесть все исключения.

Приведем еще один пример. По-видимому, вполне устоялась орфографическая норма, в соответствии с которой постоянное характеризующее определение (адъективное или выраженное приложением) в сочетании с обозначением исторического лица обычно пишется со строчной буквы, если находится в препозиции, и с прописной — если находится в постпозиции (тогда оно воспринимается как прозвище): *отступник Юлиан* и *Юлиан Отступник*, *чудотворец Николай* и *Николай Чудотворец*, *святой Владимир* и *Владимир Святой*, *окаянный Святополк* и *Святополк Окаянный*, *грозный царь* и *Иоанн Грозный*, *великая Екатерина II* и *Екатерина Великая*, *освободитель крестьян Александр II* и *Александр Освободитель*. Однако, прежде чем формулировать правило, необходимо убедиться, что это действительно общепринятая норма. По данным «Национально корпуса русского языка» написание *великий Петр* преобладает, но *Великий Петр* (не в начале

предложения) тоже встречается. Считать ли такое написание орфографической небрежностью или признать его допустимым вариантом нормы? От ответа на этот вопрос зависит формулировка правила, и было бы легкомысленным пытаться формулировать его на основе общих соображений, не выяснив, как оценивают такие написания образованные носители языка.

Поэтому, прежде чем формулировать орфографическое правило, необходимо выявить норму, которую оно должно описывать. В случае, когда норма не устоялась, целесообразно не вводить жестких правил, однозначно закрепляющих одно из возможных написаний, а ограничиться мягкими рекомендациями, отклонение от которых не будет считаться орфографической ошибкой. В полном своде правил такие рекомендации стоит снабдить аргументацией, указывающей на мотивы принятия именно такой, а не противоположной рекомендации. Тогда пишущий сможет самостоятельно решить, насколько эта аргументация убедительна для него, и последовать (или не последовать) за ней.

Может показаться, что различие жестких требований и мягких рекомендаций неизбежно приведет к увеличению вариативности в орфографии. На самом деле это иллюзия. Мягкие рекомендации уместны в том случае, когда имеет место объективная вариативность — не только в грамотном узусе, но и в оценке конкурирующих написаний грамотными носителями языка. Попытка регулировать эту вариативность посредством жестких правил неизбежно ведет либо к тому, что предписания кодификаторов будут отвергаться значительным числом грамотных пишущих, либо к тому, что они будут основываться на туманных и плохо применимых критериях.

Рассмотрим правило академического справочника, касающееся написания марок автомобилей. Оно формулируется следующим образом [Лопатин 2007: 189–190]:

§ 200. Названия производственных марок технических изделий (машин, приборов и т. п.) заключаются в кавычки и пишутся с прописной буквы, напр.: *автомобили «Москвич-412», «Волга», «Вольво», «Жигули», «Тойота», «Мерседес-Бенц», <...>*. Однако названия самих этих изделий (кроме названий, совпадающих с собственными именами — личными и географическими) пишутся в кавычках со строчной буквы, напр.: *«москвич», «тойота», «вольво»* (автомобили), но: *«Волга», «Ока», «Таврия»* (автомобили), *<...>*; исключения: *«жигули», «мерседес»* (автомобили).

Примечание 1. Аббревиатурные названия производственных марок и изделий пишутся без кавычек, напр.: *ЗИЛ, ВАЗ, УАЗ, КамАЗ, Ту-104, МиГ-25*.

Примечание 2. В бытовом употреблении названия средств передвижения могут употребляться и без кавычек, напр.: *приехал на стареньком москвиче, на роскошном кадиллаке*. <...>.

Остается не вполне ясным, во всех ли случаях очевидно различие между маркой и изделием, а также между «обычным» и «бытовым» употреблением. Кажется, что достаточно было бы указания на два основных случая: обозначение марки, в том числе в метонимическом употреблении (*приехал на «Вольво»*) и бытовое обозначение автомобиля (*роскошный кадиллак*). Выбор будет за пишущим. При этом любое нарицательное обозначение может быть поставлено пишущим в кавычки с различными прагматическими целями, поэтому написания типа «*кадиллак*» тоже нельзя считать ошибочными.

Такого рода соображения применимы ко многим подобным случаям, например к обозначениям социальных сетей. Название социальной сети может писаться с прописной буквы в кавычках (напр., «*Фейсбук*»), по мере освоения кавычки могут сниматься (*Фейсбук*), а если название метонимически используется для обозначения конкретной страницы в социальной сети, возможно написание со строчной буквы (*в моем фейсбуке*). Поскольку в кавычки можно поставить любое обозначение, написание «*фейсбук*» тоже не будет ошибкой.

В таких случаях мы имеем дело не разнобоем, а с орфографически оправданной множественностью написаний, определяемой потребностью выразить тот или иной смысл.

Электронная форма представления «Свода»

Современные способы электронного хранения информации позволяют представить свод орфографических правил с надлежащей полнотой. Вся необходимая информация должна выдаваться по запросу пользователя. В частности, как уже говорилось, для сложных случаев неочевидной рекомендации полезно, чтобы пользователь мог при помощи системы ссылок увидеть, какие мотивы скрывались за решением кодификаторов.

Свод правил должен включать правила практической транскрипции иностранных слов, в частности собственных имен (*Вильям* или *Уильям*; *Фитцджеральд* или *Фицджеральд*; *дю Буа*, *Дю Буа* или *Дюбуа*;

Рассел, Раселл или *Расселл*; *Кэррол, Кэролл* или *Кэрролл*). Правила, приводимые в справочнике [Гиляревский, Старостин 1985] неполны и во многом устарели.

Предполагается, что к своду правил будет приложен указатель, представляющий собою орфографический словарь в полном объеме, причем в этом указателе при каждом слове будет сделана отсылка к правилу или правилам, которые регулируют написание этого слова. Разумеется, в правиле может быть сказано: «Написание таких слов определяется по словарю». Если к своду не будет приложен словарь, останется непонятным, какой именно словарь имеется в виду.

Такой словарь будет, среди прочего, включать основные собственные имена, встречающиеся в русских текстах (по крайней мере, в объеме энциклопедического словаря), в том числе те иностранные по происхождению имена собственные, которые традиционно передаются по-русски с отклонениями от правил практической транскрипции (например, *Генрих Гейне*).

Электронная форма представления свода правил даст возможность его непрерывно пополнять и уточнять. При этом пополнение и уточнение не будет предполагать уничтожения информации, которая включалась в свод на предыдущем этапе. Тем самым у пользователя будет возможность проследить модификацию орфографических правил и понять логику этой модификации. Тогда устаревшие написания, которые он может встретить в текстах, не будут ставить его в тупик.

Понятно, что при издании свода правил в традиционном, бумажном виде значительной частью информации придется пожертвовать. От бумажного издания свода правил пока нельзя отказаться, однако представляется, что будущее за электронной формой представления орфографических норм и правил.

Заключительные замечания

В приведенных соображениях можно видеть реализацию принципа интегральности орфографии. Выражение «интегральное описание языка» было введено в обиход в книге [Katz, Postal 1964] и развито в применении к русскому языку Ю. Д. Апресяном (см., например, [Апресян 1986]). Под интегральным понимается описание, в котором общие правила и словарь согласованы друг с другом. Применительно к орфографии это означает, что, формулируя орфографическое правило, кодификатор должен работать на всем пространстве языковых

единиц, а написание любой единицы в словаре должно учитываться соответствующим орфографическим правилом.

Кроме того, интегральность описания орфографии предполагает внутреннюю и внешнюю согласованность орфографических правил. Как уже говорилось, внутренняя согласованность означает, что правила орфографии не только не противоречат словарю, но и не противоречат друг другу и в совокупности дают ясные рекомендации относительно написания любой языковой единицы. Внешняя согласованность означает, что формулировки орфографических правил соответствуют представлениям, принятым в описании языка, и прочим языковым нормам. Иными словами, орфографическая кодификация должна соответствовать иным типам кодификации литературного стандарта.

Без выполнения требования интегральности нельзя надеяться, что свод орфографических правил будет обладать свойством полноты. А без этого нельзя рассчитывать, что он окажется достаточно авторитетным для того, чтобы быть принятым в качестве основного руководства по орфографии пишущими на русском языке в России и за ее пределами.

Литература

- Агеенко, Зарва 1984 — *Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва*. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1984.
- Апресян 1986 — *Ю. Д. Апресян*. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 57–70.
- Гиляревский, Старостин 1985 — *Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин*. Иностранные имена и названия в русском тексте. М., 1985.
- Даль 1935 — *В. И. Даль*. Толковый словарь. Т. 2. М., 1935.
- Еськова 2015 — *Н. А. Еськова* (ред.). Орфоэпический словарь русского языка. М., 2015.
- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. М., 2008.
- Лопатин 2007 — *В. В. Лопатин* (ред.). Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2007.
- Лопатин, Иванова 2018 — *В. В. Лопатин, О. Е. Иванова*. (ред.). Русский орфографический словарь. М., 2018.
- Лопатин, Нечаева, Чельцова 2007 — *В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова*. Прописная или строчная? Орфографический словарь. М., 2007.

- Немзер 2012 — *А. С. Немзер* (ред.). Солженицынские тетради. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2012.
- Немзер 2013 — *А. С. Немзер* (ред.). Солженицынские тетради. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2013.
- Панов 1964 — *М. В. Панов*. И все-таки она хорошая. М., 1964.
- Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Резниченко 2010 — *И. Л. Резниченко*. Словарь ударений русского языка. М., 2010.
- Розенталь 1988 — *Д. Э. Розенталь*. Русский язык. Пособие для поступающих в вузы. М., 1988.
- Katz, Postal — *Katz J. J., Postal P.* M. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.

В. А. Плунгян

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)

БЫЛ ЛИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ ПРОГРЕССИВ?

В настоящих заметках я хотел бы обратить внимание на одну достаточно маргинальную конструкцию в славянских языках, возникновение которой, скорее всего, связано с особенностями греческих текстов, повлиявшими на ранние славянские переводы. Обсуждение некоторых аспектов этой проблематики занимало ближайших сотрудников Александра Михайловича (прежде всего, П. В. Петрухина и В. М. Живова, которые посвятили ей ряд работ) и, я надеюсь, будет интересно юбиляру.

I

Как известно, нетривиальной общей чертой глагольных систем славянских языков является отсутствие в них специализированных грамматических показателей прогрессива, т. е., в прототипическом случае, актуально длящегося процесса, выходящего за границы окна наблюдения говорящего¹. Прогрессив в целом достаточно частотен в языках мира [Dahl 1985: 90] и характерен в том числе и для многих языков Европы и Азии (например, английского, ирландского,

---

¹ Определению прогрессива и обсуждению его типологических свойств посвящена большая литература, обзор которой не входит в нашу задачу; ограничимся отсылками к [Dahl 1985: 90–95; Плунгян 2011: 382–395; De Wit et al. 2013] и указанным там работам. Для дальнейшего изложения существенно, что прототипический прогрессив выражается только в классе динамических процессных глаголов и не сочетается со стативами (типа ‘знать’ или ‘иметь’). В глагольных системах он обычно противопоставлен хабитуальным формам (обозначающим неактуальные ситуации) с одной стороны и разного рода аористным формам (выражающим вложенность ситуации в окно наблюдения) — с другой стороны.

испанского, турецкого, персидского, см. подробнее [Vertinetto et al. 2000]. Для прогрессива типично аналитическое выражение: в подавляющем большинстве языков европейского ареала он представлен конструкциями, состоящими из какой-либо глагольной номинализации (причастия, деепричастия или отглагольного имени действия) и вспомогательного глагола (позиционного или бытийного). Однако поиск такого рода конструкций в славянских языках как будто бы не приносил результатов — за одним (кажущимся) исключением, о котором и пойдет речь ниже. Как принято считать, глагольные системы славянских языков, при всех внутренних различиях между ними, не обнаруживают тенденции к особому грамматическому маркированию актуальных процессов. Такое значение является частью семантики славянского несовершенного вида, однако в составе граммы несовершенного вида всегда совмещено с хабитуальным значением, образуя в целом так называемый «имперфективный кластер» (точно такая же ситуация имела место в латинском и в классическом древнегреческом). Иными словами, вне контекста имперфективные обозначения процессов любого славянского языка (типа русск. *красит* или *поёт*) допускают обе интерпретации, как актуальную, соответствующую специализированному прогрессиву других языков (ср. *он в саду красит забор, не мешай ему*), так и хабитуальную (ср. *он с детства красит заборы всем нашим соседям*). Специализированного грамматического показателя прогрессива в них не существует (о лексических средствах, типа русск. *как раз <сейчас>* или польск. *w trakcie*, речи, разумеется, не идет).

Тем не менее один кандидат на эту роль всё-таки имеется. Это конструкция с действительным причастием и бытийной связкой (вида ‘они были идущие’)², о существовании которой в славянских памятниках (древнецерковнославянских и древнерусских) исследователям известно давно, однако ее семантическая интерпретация до сих пор остается предметом разногласий.

² Интересно, что в точности такой прогрессивной конструкции в тех языках Европы, где грамма прогрессива надежно отождествляется, как кажется, не засвидетельствовано. Похожая на нее внешне английская конструкция с глагольной формой на *-ing* восходит, как известно, к локативной конструкции с предлогом *on* и отглагольным существительным (*was on hunting > a-hunting > hunting*; подробнее см., например, [Smith 2007]); испанский прогрессив вида *estaba llorando* включает форму деепричастия, а не причастия, и т. п. Использование согласуемой адъективной глагольной формы тем самым оказывается не типичной для европейского ареала стратегией выражения прогрессива.

II

Самые ранние засвидетельствованные примеры такой конструкции являются несомненными кальками с греческого и буквально воспроизводят соответствующую греческую конструкцию с бытийным глаголом и согласуемым с субъектом причастием настоящего времени, ср. (1а–б):

(1) Лк. 19.47

(а) καὶ ἦν διδάσκων τὸ καθ’ ἡμέραν ἐν τῷ ἱερῷ

(б) і вѣ оуча вѣ цркви по вса дни [Mat.³]

В греческом, в свою очередь, эта конструкция тоже не была исконной: как считается, в классическом древнегреческом (глагольная система которого, как и старославянская, обладала имперфективным аспектуальным кластером) она практически не употребляется; немногочисленные обсуждавшиеся в связи с этим примеры из классических авторов остаются спорными (подробнее см. [Bentein 2012]). В заметном количестве такие употребления возникают только в языке Нового Завета (больше всего их отмечается у Луки и в Деяниях) – как принято считать, под влиянием семитских языков; впрочем, по вопросу об их происхождении также имеются разные точки зрения. В любом случае, даже если семитское влияние и имело место (что в принципе вполне вероятно — как не исключено и собственно греческое развитие, поддержанное семитским), в новозаветном койне причастная конструкция начинает существовать как самостоятельное явление, и о ее синтаксических и семантических свойствах применительно к греческим памятникам следует говорить уже независимо. Но, по-видимому, основной описательной проблемой является грамматическая семантика этой причастной конструкции в греческом (и, соответственно, в славянском⁴).

³ Старославянские примеры, если не указано иное, приводятся по параллельному корпусу древних переводов PROIEL (<http://foni.uio.no:3000>; см. подробнее об этом проекте [Eckhoff, Naug 2009]).

⁴ Греческая конструкция в большинстве случаев калькируется также в латинском и готском переводах Нового Завета: ср. Лк 5:17 греч. καὶ αὐτὸς ἦν διδάσκων καὶ ἦσαν καθήμενοι Φαρισαῖοι, Mat. и тѣ вѣ оуча і вѣахж сѣдаште фарисѣи, лат. et ipse erat docens et erant pharisaei sedentes, гот. jah is was laisjands jah wesun sitandans Fareisaieis. Однако самостоятельное ее бытование за пределами корпуса новозаветных переводов — феномен прежде всего славянский (впрочем, у ранних латинских христианских авторов подобные употребления также отмечались, но в достаточно ограниченном количестве, в основном в период с IV по VIII в.; подробнее см., например [Haverling 2008; Drinka 2011]).

Большинство эллинистов, касавшихся особенностей греческого христианского койне, для описания явлений, подобных конструкции с презентным причастием, пользуются обтекаемым термином «глагольные перифразы». По сути этот термин означает, что наряду с синтетическими формами классического греческого языка в койне имеются в дополнение к ним еще и, так сказать, их аналитические варианты, которые в неявном виде предлагается рассматривать как факультативные синонимы синтетических форм. Так, про нашу причастную конструкцию говорится, что она в основном эквивалентна формам греческого имперфекта или презенса (ср., например, характерное в этом отношении изложение в [Blass, Debrunner 1990: 285–287]). Такая формулировка позволяет избежать прямого ответа на вопрос, есть ли у «перифраз» семантическая специфика по сравнению с синтетическими формами — они могут рассматриваться просто как региональные и/или регистровые варианты, свойственные ранней христианской литературе (такая точка зрения достаточно типична), но чаще всего позиция исследователя по этому поводу остается не до конца проясненной.

С другой стороны, те авторы, которые всё-таки ставили задачу поиска семантических особенностей у аналитических конструкций койне, шли более или менее по одному и тому же пути, следуя (иногда с оговорками) гипотезе, впервые в развернутом виде выдвинутой, как можно полагать, в монографии шведского филолога Гудмунда Бьёрка, опубликованной в 1940 г. и получившей впоследствии значительный резонанс [Vjörck 1940]. Г. Бьёрк в достаточно категоричной форме утверждал, что конструкция с презентным причастием отличается от синтетических имперфективных конструкций, с которыми она конкурирует, специализированным аспектуальным значением прогрессива. Гипотеза Г. Бьёрка выглядела эффектно (в ее пользу, в частности, свидетельствовало преимущественно аналитическое выражение прогрессива в романских языках и особенно в английском, эксплицитные типологические параллели с которым Г. Бьёрк неоднократно проводит), и она была в той или иной степени принята последующими исследователями, особенно теми, кто не являлся непосредственным специалистом в языке Нового Завета. Степень солидарности разных авторов с выводами Г. Бьёрка различна, однако категорического опровержения его выводов, насколько нам известно, никем не предпринималось; его интерпретация причастных конструкций как выражающих прогрессив сочувственно упоминается и в самых недавних работах по истории греческого глагола, в том числе в важной обобщающей

статье [Drinka 2011] и (с некоторыми нюансами) в одном из наиболее обстоятельных исследований этой проблемы [Bentein 2016].

Естественно, такой семантический анализ воспроизводили и слависты, когда рассуждали о значении причастных конструкций в славянских памятниках. Так, А. В. Исаченко, отмечая в старославянском аналитические причастные конструкции, указывает на их связь с греческими, а про эти последние сообщает, что их «значение ближе всего к английским ‘прогрессивным формам’» [Issatschenko 1980: 87]. Аналогично, современные типологи, обсуждая отсутствие прогрессивных конструкций в славянских языках в целом, отмечают, что в качестве исключения в старославянском «прогрессивные конструкции с причастием» существовали лишь как кальки с «иудейско-греческого» (приводится фрагмент с глаголом ‘учить’ из Лк. 5.17, ср. сноску 4), тогда как в современном болгарском и македонском в соответствующих контекстах будет употреблен обычный синтетический имперфект [Hewson, Vubenik 1997: 101]. Тем самым, прогрессивное значение у таких конструкций считается как бы даже само собой разумеющимся и не требующим специального обоснования. К «аспектуальной» трактовке причастных конструкций склоняется и А. Вайан, хотя и использует более расплывчатую формулировку, характеризуя их как «живой оборот для выражения длительности действия, непрерывности явления» [Вайан 1948/1952: 396], что по сути достаточно близко к интерпретации Г. Бьёрка (если под «длительностью» понимать именно «актуальную длительность», но, впрочем, см. ниже).

Вместе с тем, внимательный анализ фактов показывает, что интерпретация Г. Бьёрком семантики греческих причастных конструкций неверна. Самое простое объяснение этому заключается в дате написания работы Г. Бьёрка: в то время представления лингвистов о семантике аспектуальных категорий только начинали формироваться и твердого знания о том, что следует называть прогрессивом, еще не было (сам Г. Бьёрк указывает, что термин «прогрессив» является относительно новым и ссылается на О. Есперсена, в работах которого он был «недавно» введен применительно к английскому языку). При этом Г. Бьёрк склонен считать центральным элементом значения того, что он называет прогрессивом, выражение «временных рамок или фона некоторого другого действия» — а это не вполне точное с современной точки зрения описание; подобного рода семантические компоненты характерны скорее для таксисных граммем, тогда как для прогрессива важнее включенность окна наблюдения в ситуацию и принадлежность этой ситуации к классу процессов. Как кажется, Г. Бьёрк, в поисках

подходящего объяснения, употребил в несколько специфическом и расплывчатом значении новый в тот период и модный лингвистический термин, а последующие авторы недостаточно критически продолжали им пользоваться для описания греческих конструкций.

Действительно, семантика причастной конструкции новозаветного койне не имеет к выражению прогрессива (в современном смысле этого термина) никакого отношения. В частности, среди примеров ее употребления встречается немало динамических глаголов в хабитуальном значении (выражающих регулярное или потенциальное действие как свойство субъекта), которое является главным «антиподом» прогрессива и именно ему противопоставлено во всех глагольных системах, имеющих специализированные показатели прогрессива. Ср. характерные в этом отношении примеры (2–3), где причастная конструкция обозначает регулярное занятие, а не актуальное действие в фиксированный момент времени; при греческом тексте дается современный церковнославянский перевод (как правило, калькирующий причастную конструкцию):

(2) Лк. 5.10

(а) Καὶ εἶπεν πρὸς τὸν Σίμωνα ὁ Ἰησοῦς: μὴ φοβοῦ, ἀπὸ τοῦ νῦν ἀνθρώπους ἔσθι ζωγρῶν.

(б) И рече къ Симону Иисусъ: не бойся, отсельъ будещи чловѣки лоя.

(3) Мк. 1.6

(а) Καὶ ἦν ὁ Ἰωάννης ἐνδεδυμένος τρίχας καμήλου, καὶ ζώνην δερματίνην περὶ τὴν ὀσφὺν αὐτοῦ, καὶ ἐσθίων ἀκρίδας καὶ μέλι ἄγριον.

(б) Бѣ же Иоаннъ оболченъ власы велблужди, и поясъ усмень о чреслѣхъ его, и ядый акриды и медъ дивій.

Более того, едва ли не самыми частыми лексемами, выступающими в причастной конструкции, являются не динамические, а стативные глаголы (такие, как ‘иметь’ или ‘хотеть’), что, по понятным причинам, также никак не совместимо с граммемой прогрессива в ее стандартном понимании (прогрессивные формы у таких глаголов, как правило, вообще недопустимы). Ср. типичные в этом отношении примеры (4–5):

(4) Лк. 23.8

(а) Ὁ δὲ Ἠρώδης ἰδὼν τὸν Ἰησοῦν ἐχάρη λίαν: ἦν γὰρ ἐξ ἰκανῶν χρόνων θέλων ἰδεῖν αὐτὸν, διὰ τὸ ἀκούειν περὶ αὐτοῦ.

(б) Иродъ же видѣвъ Иисуса радъ бысть зѣло: бѣ бо желая отъ многа времење видѣти его, зане слышаше многа о немъ.

(5) Мк. 10.22

(а) Ὁ δὲ στυγνάσας ἐπὶ τῷ λόγῳ, ἀπῆλθεν λυπούμενος, ἦν γὰρ ἔχων κτήματα πολλά.

(б) Онъ же дряхль бывъ о словеси семъ, отиде скорбя: **бѣ** бо **имѣя** стяжанія многа.

Разумеется, несоответствие этих употреблений прототипическому прогрессиву не осталось незамеченным более поздними исследователями, однако никто из них не решился полностью отказаться от терминологии Г. Бьёрка. Наиболее подробно семантические особенности причастных конструкций описаны в работе [Bentein 2016] (ср. также [Bentein 2012; 2013]), где отмечено, что «дуративный» прогрессив может сосуществовать с несколько загадочным «фокализованным» прогрессивом (имеется в виду прежде всего «рамочная» таксисная функция, на которую указывал ещё Г. Бьёрк); стативные употребления также отмечают, но никак специальным образом не комментируются, хотя семантике прогрессива все эти контексты противоречат. Для большинства исследователей представляется желательным по-прежнему видеть во всех этих употреблениях некий «размытый» прогрессив — скорее всего, в силу инерции традиции.

Однако прогрессивная или даже какая-либо иная, более нюансированная интерпретация причастной конструкции в аспектуальных терминах, по-видимому, не может быть признана согласующейся с фактами. Главная проблема такой интерпретации не только в том, что она не объясняет появление причастий во множестве хабитуальных и стативных контекстов, но и в том, что она не объясняет и не меньшего количества примеров, когда актуальная длительность (т. е. прототипическое прогрессивное значение) в греческом выражается синтетическим имперфектом, как в (6); ср. также ниже, контексты в (7–8). Иными словами, наличие семантического компонента актуальной длительности не является ни необходимым, ни достаточным условием появления причастной конструкции — и, тем самым, в общем случае никак с этой конструкцией не связано.

(6) Лк. 5.6

(а) Καὶ τοῦτο ποιήσαντες συνέκλεισαν πλῆθος ἰχθύων πολὺ: **διερρήσαστο**^{IMPF:MED} δὲ τὰ δίχτυα αὐτῶν.

(б) И се сотворше, яша множество рыбъ много: **протерзашеся** же мрежа ихъ⁵.

⁵ Ср. передачу этого места с помощью прогрессивной конструкции в ряде современных английских переводов Нового Завета: *their net was breaking* (New King James Version, World English Bible и др.).

Вместе с тем, предложить альтернативную модель, объясняющую все или хотя бы большинство случаев появления причастной конструкции в новозаветном койне, представляется очень непростой задачей. В настоящих заметках мы не имеем возможности подробно разбирать этот вопрос; укажем лишь, что, по нашему мнению, правила выбора причастной конструкции (если признавать, что таковые существуют и имеют семантическую природу) в греческом связаны не с какой бы то ни было аспектуальной семантикой, а скорее с выражением информационной структуры предложения (что в принципе типологически свойственно причастным конструкциям во многих языках мира⁶). А именно, употребление причастной конструкции, как правило, выражает наличие аргументного фокуса: в соответствующих контекстах подчеркивается тот факт, что информационным центром высказывания является не глагол, а субъект, объект или обстоятельство глагольной группы⁷. Характерным примером такого контекста является (7), где глагол ‘греться’ в первом вхождении несет новую информацию, а во втором вхождении фокус смещается на указание того, кто входил в число греющихся — и это отражается в появлении причастной конструкции вместо синтетического имперфекта:

(7) Ин. 18.18

(а) Εἰσπήεισαν δὲ οἱ δοῦλοι καὶ οἱ ὑπηρεταὶ ἀνθρακίαν πελοπιήότες, ὅτι ψῦχος ἦν, καὶ ἐθερμαίνοντο^{IMPF}: ἦν δὲ καὶ ὁ Πέτρος μετ’ αὐτῶν ἐστὼς καὶ θερμαινόμενος.

(б) Стояху же раби и слуги огонь сотворше, яко зима бѣ, и грѣяхуся: бѣ же съ ними Петръ стоя и грѣяся (= ‘слуги разожгли огонь и грелись <ситуация вводится в рассмотрение, фокус на глаголе; имперфект>; вместе с ними грелся и Петр <фокус смещается на субъект; причастная конструкция>’).

⁶ Ср. характерное обобщение Н. Р. Сумбатовой в ее исследовании северокавказских языков: “If the predicate is out of focus (which is the case in argument-focus sentences), it must take the form of a participle” [Sumbatova 2009: 316].

⁷ В этом же ключе можно интерпретировать и наблюдения К. Бентейна [Bentein 2013], развивавшего гипотезу о связи причастной конструкции с «усилением транзитивности» глагола: в большинстве случаев «усиление транзитивности» как раз и может быть описано в терминах объектного фокуса. Вместе с тем следует отметить, что причастная конструкция не менее употребительна и в контексте непереходных глаголов, так что транзитивность не может быть в этом случае универсальным объяснением.

Не менее показателен пример (8), где глагол ‘учить’ вначале вводится в качестве новой информации, а потом фокус переносится на обстоятельство образа действия: то, каким образом происходило учение. Во втором случае, ожидаемым образом, вместо синтетического имперфекта возникает аналитическая причастная конструкция:

(8) Мк. 1.21–22

(а) Καὶ εἰσπορεύονται εἰς Καφαρναούμ, καὶ εὐθὺς τοῖς σάββασιν εἰσελθὼν εἰς τὴν συναγωγὴν ἐδίδασκεν^{IMPF}. Καὶ ἐξεπλήσσοντο^{IMPF} ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ, ἧν γὰρ διδάσκων αὐτοὺς ὡς ἐξουσίαν ἔχων καὶ οὐχ ὡς οἱ γραμματεῖς.

(б) И внидоша въ Капернаумъ: и абіе въ субботы вшедь въ сонмише, **учаше**. И **дивляхуся** о ученіи его: **бѣ** бо **учя** ихъ яко власть имый, и не яко книжницы.

Как можно видеть, в примерах (7) и (8) аспектуальная интерпретация глагола во всех случаях совершенно одинакова (более того, глагол в них, собственно, под разным углом описывает одну и ту же ситуацию); то единственное, что меняется с переходом от синтетической формы к аналитической — это как раз коммуникативный статус предиката: сначала он вводит новую информацию, которая впоследствии закономерным образом становится данным, а фокус предложения смещается на один из глагольных аргументов. Яркий случай выражения аргументного фокуса представлен и в многочисленных примерах, подобных (3) или (5) выше, где сам глагол является достаточно абстрактным предикатом вида ‘есть’ или ‘иметь’, а коммуникативно значимой информацией оказывается характеристика его аргумента: что именно является объектом еды, обладания и т.п. Таковы контексты большинства причастных конструкций в новозаветном койне.

III

Из новозаветного койне аналитическая причастная конструкция была заимствована в постклассический греческий, латинский и старославянский⁸, где, однако, быстро угасла. Дольше всего, по-видимому, эта конструкция удержалась в древнерусских памятни-

⁸ Примеры таких употреблений, в частности, обнаруживаются в Житии Павла и Иулиании, входящем в Супрасльский сборник; некоторые из них приводит уже А. Вайан, правда, не совсем точно характеризуя их семантику (см. выше).

ках (вплоть до XIV в.), на что одним из первых обратил внимание В. М. Живов [2012]; см. также [Петрухин 2012; 2016]. Как показано в работах В. М. Живова и П. В. Петрухина, в древнерусских книжных текстах (в том числе в Житии Феодосия Печерского, в Повести временных лет, в Суздальской летописи и др.) эта конструкция приобрела самостоятельную семантику и использовалась преимущественно в характеризующих контекстах, при описании привычек, состояния здоровья персонажей и т. п. Существенно также, что употребление причастных конструкций тяготеет — особенно в поздних памятниках — к особому стилистическому регистру и к «агиографическим» контекстам; по выражению В. М. Живова, происходит ее «петрификация»⁹. Если дело обстоит именно так, то описание этой конструкции в древнерусских памятниках должно строиться с учетом того, что здесь мы, скорее всего, имеем дело с тенденцией к искусственному распределению языковых средств, которые создателям текстов представлялись синонимичными, — правила употребления аналитических конструкций, существовавшие в новозаветном койне, были, безусловно, на русской почве утрачены [подробнее этот процесс прослежен в [Петрухин 2016]¹⁰). В этом смысле причастная конструкция не уникальна и входит в достаточно обширный ряд грамматических показателей со стилистическим потенциалом, изучение которых как раз и составляло один из любимых сюжетов В. М. Живова (отраженное уже в монографии [Живов 2004]). Заметим, что та новая область, в которой причастные конструкции стали активно использоваться в древнерусских памятниках, достаточно прозрачно связана с адъективной и стативной семантикой самих причастий (и опять же максимально далека от «прогрессива», который в этих конструкци-

⁹ Ср.: «...стилистика не маркированное употребление конструкции <быти + причастие> характерно для стандартного церковнославянского регистра, тогда как в гибридном регистре эта же конструкция приобретает жанрово-стилистическую значимость и маркирует степень книжности текста» [Живов 2012: 248]

¹⁰ Следует заметить, что предлагаемое П. В. Петрухиным возведение греческих причастных конструкций непосредственно к древнееврейским, представляется всё же, при сегодняшнем уровне изученности этой проблемы (отраженном наиболее полно в [Bentein 2016]), несколько прямолинейным. Как уже было сказано в первом разделе, такая связь вполне возможна (более того, древнееврейские причастия как раз активно участвуют в выражении информационной структуры предложения, ср. [Ваауен 1997]), но развитие причастных конструкций в греческом происходило во многом автономно, в том числе и в семантическом отношении.

ях пытались увидеть их первые исследователи). Тем самым, можно считать, что вторичная семантизация причастных конструкций на русской почве происходила путем своеобразного восстановления их композициональности после того, как первоначальные правила их употребления были забыты.

Таким образом, на вопрос, поставленный в заголовке статьи, следует дать отрицательный ответ. Специализированных грамматических показателей прогрессива в славянских языках нет и никогда не было — как не было их и в греческом койне. Гипотеза об их существовании возникла вследствие терминологического недоразумения (и недостаточно полного учета материала); известные нам факты ее никоим образом не подтверждают.

Литература

- Вайан 1948/1952 — *А. Вайан*. Руководство по старославянскому языку / Пер. с франц. изд. 1948 г. М., 1952.
- Живов 2004 — *В. М. Живов*. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Живов 2012 — *В. М. Живов*. Об употреблении одной книжной конструкции в памятниках восточнославянской письменности (глагол *быти* с причастием наст. времени) // I. Podtergera (Hrsg.). *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3: Vom Wort zum Text*. Bonn, 2012. С. 235–249.
- Петрухин 2012 — *П. В. Петрухин*. К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 1 (23). С. 232–249.
- Петрухин 2016 — *П. В. Петрухин*. Конструкция ‘*быти* с причастием настоящего времени’: древнерусский узус и библейская традиция // *Труды Института русского языка*. IX. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. 2016. С. 179–207.
- Плунгян 2011 — *В. А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Baayen 1997 — *R. H. Baayen*. The pragmatics of the ‘tenses’ in Biblical Hebrew // *Studies in language*. 21 (2). 1997. P. 245–285.
- Bentein 2012 — *K. Bentein*. Verbal Periphrasis in Ancient Greek: A State of the Art // *Revue belge de philologie et d’histoire*. 90 (1). 2012. P. 5–56.

- Bentein 2013 — *K. Bentein*. Transitivity, ecology, and the emergence of verbal periphrasis in Ancient Greek // *Classical philology*. 108 (4). 2013. P. 286–313.
- Bentein 2016 — *K. Bentein*. Verbal periphrasis in Ancient Greek: *Have-* and *be-*constructions. Oxford, 2016.
- Bertinetto et al. 2000 — *P. M. Bertinetto, K. Ebert, C. de Groot*. The progressive in Europe // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin, 2000. P. 517–558.
- Björck 1940 — *G. Björck*. HN ΔΙΔΑΣΚΩΝ: Die periphrastischen Konstruktionen im Griechischen. Uppsala, 1940.
- Blass, Debrunner 1990 — *F. Blass, A. Debrunner*. Grammatik des neutestamentischen Griechisch / 17. Aufl., bearbeitet von Friedrich Rehkopf. Göttingen, 1990.
- Dahl 1985 — *Ö. Dahl*. *Tense and aspect systems*. Oxford, 1985.
- De Wit et al. 2013 — *A. De Wit, A. Patard, F. Brisard*. A contrastive analysis of the Present Progressive in French and English // *Studies in language*. 37 (4). 2013. P. 846–879.
- Drinka 2011 — *B. Drinka*. The sacral stamp of Greek: Periphrastic constructions in New Testament translations of Latin, Gothic, and Old Church Slavonic // *E. Welo* (ed.). *Indo-European syntax and pragmatics: Contrastive approaches (Oslo Studies in Language)*. 3 (3). 2011. P. 41–73.
- Eckhoff, Haug 2009 — *H. M. Eckhoff, D. T. Haug*. Aligning syntax in early New Testament texts: The PROIEL corpus // *B. Hansen, J. Grković-Major* (eds.). *Diachronic Slavonic syntax: Gradual changes in focus*. München, 2009. P. 41–52.
- Haverling 2008 — *G. V. M. Haverling*. On the development of actionality, tense, and viewpoint from Early to Late Latin // *F. Josephson, I. Söhrman* (eds.). *Interdependence of diachronic and synchronic analyses*. Amsterdam, 2008. P. 73–104.
- Hewson, Bubenik 1997 — *J. Hewson, V. Bubenik*. *Tense and aspect in Indo-European languages: Theory, typology, diachrony*. Amsterdam, 1997.
- Issatschenko 1980 — *A. V. Issatschenko*. *Geschichte der russischen Sprache*. I. Heidelberg, 1980.
- Smith 2007 — *K. A. Smith*. The development of the English Progressive // *Journal of Germanic linguistics*. 19 (3). 2007. P. 205–241.
- Sumbatova 2009 — *N. Sumbatova*. Constituent questions and argument-focus constructions: some data from the North-Caucasian languages // *J. Helmbrecht et al.* (eds.). *Form and Function in Language Research: Papers in Honour of Christian Lehmann*. Berlin, 2009. P. 313–328.

М. Н. Шевелева

МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

О ГЛАГОЛЕ **ИТИ**
И КОНСТРУКЦИЯХ
ИМУ + ИНФИНИТИВ
ПО ДАННЫМ
ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ

1. В давней дискуссии о том, являются ли известные в восточнославянских памятниках конструкции *иму* + инфинитив, в значительной части диалектов впоследствии грамматикализовавшиеся в будущее время, результатом развития древних модальных конструкций *имамь* + инфинитив или это изначально были структуры с другим глаголом и иной семантикой [ср.: Потевня 1888: 366; Кузнецов 1959: 236; Гудков 1963; Юрьева 2011; Шевелева 2017: 211–212; 2019: 44–46], наиболее вероятным представляется второе решение. Конструкции *имамь* + инфинитив в вост.-слав. диалектной зоне не получили развития — они представлены только в книжных текстах и оставались на протяжении всей древнерусской эпохи и даже позднее исключительно принадлежностью ц.-слав. традиции. Связано это, думается, прежде всего с тем, что сам глагол *имѣти* в качестве основного средства выражения глагольной посессивности в вост.-слав. зоне древнерусской эпохи не получил активного развития — он представлен в значении ‘habere’ почти исключительно в книжных текстах, в то время как основным средством выражения значения обладания в текстах некнижных (и соответственно, в живом др.-рус. языке) с древнейшего времени была *быти*-конструкция с *оу* + Р. п. в значении посессора — типа *оу мене (есть)*, см. [Шевелева 2019].

В некнижных текстах *имѣти* чрезвычайно редок: всего пять примеров в берестяных грамотах, причем большинство из них — в грамотах с чертами литературности в известных по летописной традиции устойчивых сочетаниях с именами типа *зло имѣти*, *имѣти акы братъ собѣ* и под. (грамота № 752) [Там же: 38–39]. Лишь в одном случае *имѣти* употреблен в грамоте некнижного содержания (№ 1014), сохранившейся, впрочем, фрагментарно и читающейся не вполне надежно, при этом используется он здесь в значении СВ ‘взять, полу-

чить', т. е. фактически в значении глагола *ѣти*¹. По всей видимости, использование глагола *имѣти* в значении собственно обладания в вост.-слав. зоне было характерно прежде всего для книжной традиции, восходящей к старославянской, — живому языку этот праславянский глагол был известен, но в значении 'владеть, обладать' не употребителен [Там же: 34–43]; ср. замечание А. А. Зализняка в комментарии к берестяной грамоте № 752 о том, что «сам глагол *имѣти*, по-видимому, носил оттенок книжности: подавляющая часть примеров этого глагола, собранных в словарях, происходит из книжных памятников» [Зализняк 2004: 252].

Именно с нехарактерностью для живого др.-рус. языка глагола *имѣти* в значении 'владеть, обладать' можно связывать, по всей видимости, и отсутствие в живом употреблении конструкций так называемого «будущего сложного I» *имамь* + инфинитив, модальное значение которых «неизбежности, неотвратимости» наступления ситуации (т. е. значения внешней необходимости) развилось на базе значения обладания глагола *имѣти* (подробнее см. [Шевелева 2019]). Как кажется, между наличием в реальном употреблении *имѣти*-конструкции обладания и наличием и последующей грамматикализацией оборотов *имамь* + инфинитив в форму будущего времени в славянских языках существовала определенная связь.

Как мне уже приходилось отмечать [Там же: 44–47], др.-рус. конструкции *иму* + инфинитив базируются на формах глагола *ѣти*, а не *имѣти* — думается, не только формально заместивших древние нетематические формы презенса глагола *имѣти* типа *имамь*, *имаши* тематическими типа *иму*, *имеши* (ср., например: [Кузнецов 1959: 236; Юрьева 2011: 81, 86]), но и в плане семантического развития изначально представлявшие собой иные структуры, чем и объясняется их отличная от *имамь*-оборотов судьба.

Аргументом в пользу вытеснения этими тематическими формами архаичных нетематических типа *имамь* считают по умолчанию полное отсутствие последних в некнижных текстах как в свободном употреблении, так и в составе инфинитивных конструкций и, соответственно, распределение конструкций «будущего I» с *имамь* / *иму* как книжных vs. некнижных. Отмечающееся всеми исследователями отсутствие модального значения у *иму*-конструкций и иные синтак-

¹ В грамоте № 1014 (XII в.): [*и*]мѣти отъ зюу [ос]м[шо на] де(саме) — вероятно, недописанное отъ зюуба или отъ Зоуба — «выражение *им<ѣ>ти отъ зюуба* можно было бы понимать приблизительно как 'получить на долю'. Во втором случае что-то должно быть получено от человека по прозвищу Зуй» [НГБ XII: 114].

сические условия их употребления оказываются при этом некоторым «сопровождающим» указанное распределение различием, причина которого остается фактически без объяснения.

Между тем это семантическое различие принципиально важно. Говорить о контаминации парадигм типа *имамь, имашаи* — *иму, имешаи* можно с надежностью в случае тождества или хотя бы сближения значений тех и других образований, чего на древнерусском материале не наблюдается — по крайней мере, примеров употребления **ѦТИ** в статальном значении ‘иметь, обладать’ не фиксируется точно. Кроме того, надо заметить, что нетематическое спряжение глагола *имѣти* уже в раннюю эпоху замещалось тематическим типа *имѣю, имѣеши*, а отнюдь не *иму, имешаи*, ср. примеры в берестяных грамотах XII в.: *имееши* (№ 752), *имѣе[т]* (№ 886) [Зализняк 2004: 252, 275]; в Повести временных лет: *имѣемъ бо кормлю ѿ землю* (997 г., Лавр., л. 56 = Ипат., л. 48), *имѣю отрокъ свои*^x. ѱ. (1093 г., Лавр., л. 72об. = Ипат., л. 80об.) и др. — по данным [СДРЯ XI–XIV вв., IV: 151–152], более 1000 употреблений образований от этой тематической основы. Появление среди инфинитивных конструкций «будущего сложного I» оборотов с *иму* простым вытеснением нетематического спряжения тематическим вряд ли объясняется.

На то, что это изначально обороты с разными составляющими их основу глаголами и с разным значением, указывал в свое время А. А. Потебня: сочетание с *иму*, в отличие от сочетаний с *имамь*, предполагает «вещественное значение не *иметь*, а *брать*, а в грамматическом отношении уже в др.-рус. может быть совершенно» [Потебня 1888: 366]. А. А. Потебня называет эти конструкции «будущим начинательным»: «<и>менно это значение, а не значение *имамь* с неопределимым в основании нынешних влр. областных и млр. сочетаний»; начинательность «этой формы обыкновенно еще довольно ясна» даже в совр. русских говорах и в украинском языке, так что «её можно отличить не только от буд. сов. (*нізнаю*), но и от *буду знати*», т. е. от современного вост.-слав. сложного будущего несовершенного [Там же]; рус. диал. *иму делать, имѣм есть* и под. предлагается переводить посредством *стану*, а не *буду*, поскольку последнее лишено «оттенка начинательности» [Там же]. Таким образом, А. А. Потебня полагает, что обороты типа *иму* + инфинитив развились на базе значения ‘взять’ (‘брать’ в СВ — см. выше), т. е. исконного значения глагола **ѦТИ**, и имели значение начинательности (сохраняемое, по его мнению, и поныне теми вост.-слав. диалектами, где есть такие обороты). Ближе всего их значение, по мнению Потебни, к значению современ-

ных русских конструкций с глаголом *стать*, получивших активное развитие в более позднее время — с XV в. [Молдован 2010: 6–7].

Изложенная трактовка (во всяком случае, применительно к др.-рус. материалу) представляется наиболее вероятной. Обратим также внимание, что, хоть Потебня и называет древнерусские *иму*-конструкции «будущим начинательным», указание на сходство их семантики с современными конструкциями *стану* + инфинитив ставит под сомнение положительное решение вопроса об их грамматикализации в морфологическое будущее время.

Итак, известные в др.-рус. некнижных текстах и в современных говорах (а также в украинском языке) конструкции со значением будущего *иму* + инфинитив следует связывать с глаголом *ѣти* ‘взять, схватить’ — глаголом действия СВ, развивающим на базе этого первичного значения значение начинательности (наступления новой ситуации), которое впоследствии может грамматикализироваться в будущее время (см. [Шевелева 2017: 212; 2019: 45]). В отличие от однокоренного с ним глагола состояния *имѣти*, малоупотребительного в некнижных др.-рус. текстах, глагол *ѣти* (*иму*) ‘взять, схватить’ и производный от него имперфектив *имати* (*ѣмлю*) ‘брать’ вполне употребительны — именно поэтому и инфинитивная конструкция с *иму* в некнижных текстах тоже становится вполне используемой, что отражает ее употребительность в живом др.-рус. языке.

Интерес представляет вопрос о пути развития этого оборота в будущее время и о степени грамматикализации его в древнерусскую эпоху. Как мы видели, А. А. Потебня, называя *иму*-оборот «будущим начинательным», сближал его с современными конструкциями со *стану* и предостерегал от отождествления с современным аналитическим будущим с *буду*. Последующие исследователи склоняются скорее к тому, чтобы рассматривать *имоу*-конструкции — в силу отсутствия у них модального значения — как будущее время уже начиная с ранних примеров их фиксации в текстах (см., например: [Борковский 1949: 147–148; Юрьева 2011: 86 и др.]).

Обратимся к старейшим примерам древнерусских памятников.

2. Вне сочетаний с инфинитивом глагол *ѣти* и производный от него имперфектив *имати* широкоупотребительны как в книжных, так и в некнижных текстах. Вполне распространены эти глаголы и в ст.-сл. языке — принципиальных различий между старейшими вост.-слав. и южнослав. памятниками в этом отношении не обнаруживается. По всей видимости, корневой глагол действия **jьto* еще в позднепраславянскую эпоху закрепил значение СВ (см. его видовую характери-

стику «сов.» в [СС 1994: 807], очень аккуратном в отношении видовых характеристик глаголов). Причиной раннего закрепления за этой не имеющей формального показателя перфективности основы видового значения СВ скорее всего послужило наличие производного итератива *jьmati*, осмысленного как производный от *jeŕi* имперфектив — глагол НСВ (ср. аналогичные пары с многократными глаголами на *-a-* типа *pasti — padati*, *dvignoti — dvidzati*, сыгравшие важную роль в оформлении модели образования производных имперфективов НСВ [Маслов 1961 / 2004: 471]).

Первичное значение глагола **ѡТИ** — ‘взять, схватить’ [СС 1994: 807–808; SJS, IV: 1023–1024]; однако чаще всего он встречается, по крайней мере в вост.-слав. памятниках, именно в значении ‘схватить’ и особенно в значении ‘взять в плен, схватить (= задержать), лишитъ свободы’ (см. указание этого значения в [СС 1994: 808; Срезн., III: 1669]). По всей видимости, нейтральное значение ‘взять’ без дополнительной коннотации резкого и быстрого (обычно принудительного) захватывания во владение ‘схватить, catch’ обычно выражалось приставочным глаголом **вѣзати**, ср. в ст.-сл.: **вѣзьми одръ твои и иди въ домъ твои** Мт 9: 6 Зогр., Мар., Ас., Сав. [СС 1994: 143]; и **ѡша вѣси и насытиша са и вѣзаша избытъкы оукроухъ .ѡи. коша исплънь** Мт 14: 20 Зогр и др. То же наблюдается и в вост.-слав. текстах, ср. не книжные примеры: *Которыи вѣлъчанинѣ вѣзъмь латиньскыи товарь чересъ вѣлъкъ вѣсти. а что погынетъ ѡ того товара что ѡмоу приказано. тѣ платити всемъ вѣлъчаньмъ* (Смол. грам. 1229 г., список А [СГ: 23]; так же в списках В, С); *Аже роусинѣ коупитъ оу латинеского чѣлка товарѣ. а вѣзъмь к собѣ. тотъ латинескому не вѣзати товара на оуспать. роусиноу томоу платити* (Смол. грам. 1229 г., список А = списки В, С) [Там же: 23, 28, 33]; *а кто ѡго задницю возметъ. то въ того немчию товарѣ вѣзати* (Смол. грам. рижская ред., списки Д и Е) [Там же: 36, 41]; *вѣзьми же на нь вѣ треть* (БГ № 1087 сер. XII в. — о взятии долга) [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 19]; *познает ли надолзь оу кого купивъ. то своѣ куны вѣзметъ* (Рус. пр. по Новг. Кормчей) [Хрест.: 61] и др.; см. также примеры первого значения ‘взять что-л. в руки’ и значения ‘взять в собственность’ в [СДРЯ XI–XIV вв., II: 148]; ср. в устойчивых сочетаниях с именами: *тата (така) правда вѣзати* — в смоленских грамотах XIII в. многократно; *вѣзати мирѣ, вѣзати любовь* и др. [Там же: 149]; *а самъ съ Торожьскоу поиди а съ мною любовь вѣзми* (НПЛст, 1215 г., л. 82об.) и под.

Даже значение ‘захватить, завоевать’ у глагола **вѣзати** не содержит, как кажется, семантического компонента быстроты / внезап-

ности овладения объектом, ср. примеры: *Иде Мьстилавъ на чюдъ съ новгородьци и възъ Медвьжю голову* (НПЛст, 1116 г., л. 8об–9); *Приде Володимеръ и възъ Прилукъ* (СЛ, 1146 г., л. 104) [СДРЯ XI–XIV, II: 149]; *и стога ольга льто не можаше възати града* (ПВЛ, 946 г., Лавр. л. 16–16об); *завѣтра приступлю къ граду и възму городъ* (КЛ, 1123 г., л. 107) и др. По-видимому, значение ‘схватить’ и производное от него ‘захватить в плен, арестовать’ закрепилось прежде всего за бесприставочным глаголом *гати*.

В др.-рус. летописях *гати* абсолютно преобладает в значении ‘взять в плен, арестовать’, ср. в ПВЛ: *Аще не имевъ Василька то ни тобъ княженья Киевъ ни мнѣ Володимери* (ПВЛ, 1097 г., Повесть об ослеплении Василька, Лавр., л. 87 = Ипат., л. 88об.); *и повѣда ему глѣ. Не ходи княже хотать та гати. и не послуша юго помышлала како ма хотать гати вно^м мнѣ цѣловавшие крѣь* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 87об = Ипат., л. 88об); *Мы тебе не имемъ ни инога ти зла створи*^м (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л. 92об) и др.; ср. многочисленные примеры в Киевской летописи (КЛ): *Кнѣже доумаютъ ѡ тобъ хотать гати* (КЛ, 1146 г., л. 121); *Хотѣли ма бо гати любо оубити* (КЛ, 1147 г., л. 128); *А что есми имъ зло створишъ уже ма хотать гати* (КЛ, 1161 г., л. 182об.) и под.; ср. то же в образованиях от презентной основы: *и помысли во оумъ своемъ. гак Дѣда цмоу а Рюрика выженоу изъ земль* (КЛ, 1180 г., л. 216об); *нѣ смѣ бо Мьстиславъ ѣхати река иметь ма Дюрги* (КЛ, 1155 г., л. 172об); *самого же имивъ а волость его възмивъ* (КЛ, 1152 г., л. 162об) — пвл. 1 л. дв. ч. *им<ь>въ* ‘самого его возьмем (мы двое) в плен и волость его возьмем себе’. Последний пример хорошо демонстрирует различие в употреблении *гати* ‘взять в плен’ и *възати* ‘взять в свою собственность, владение’.

Оказывается, что первичный бесприставочный глагол *гати* в древнерусском обнаруживает тенденцию к семантической специализации.

То же значение ‘взять в плен, арестовать’ отмечается у глагола *гати* и в новгородских берестяных грамотах, ср.: *а нынѣ ма въ томъ ала кнѣагини* ‘а теперь меня за это схватила (арестовала) княгиня’ (№ 109, кон. XI — нач. XII в. [Зализняк 2004: 162, 257–259]); *ать ти видѣло како ти было а Ивана аль* ‘Если он видел, как я Ивана арестовал’ (№ 502, XII в. [Там же: 176, 405–406]); *А хотать ны ати въ Фомоу съ Вацьшькою* ‘а нас с Вячешкой хотят арестовать за Фому’ (№ 952 XII в.) [НГБ XII: 47] и др.

Впрочем, в берестяных грамотах есть и несколько примеров употребления *гати*, по-видимому, в нейтральном значении ‘взять в свою

собственность', ср.: *А нынково Ѧли по коунь на нѣдлю* 'А теперь взяли по куне на неделю' (№ 1002 XII в.) [Там же: 101]; *а .г̃. рьзно нѣ имуо* 'а трех резан не возьму (или: не возьмут)' (№ 994 XII в.) [Там же: 94].

Заметим, что производный от **Ѧти** имперфектив *имати* широкоупотребителен в значении 'брать в свою собственность (о имуществе, долгах и т. д.)' и тенденции к отмеченному для **Ѧти** сужению значения не обнаруживает — в этом отношении в др.-рус. памятниках он оказывается ближе к *възѦти*, чем к **Ѧти**. Ср. примеры в берестяных грамотах: *Ѧмли за свои отрокъ колико ти годьно* 'бери через посредство своего отрока' (№ 819, XII в.) [Зализняк 2004: 412]²; *толико мнѣ Ѧмати скота* '[лишь] столько я должен собирать денег' (№ 550, XII в.) [Там же: 401] — с обобщением инфинитивной основы по презентной; *не дайте Савѣ ни одного песца хотѦ на нихъ Ѧмати* (№ 724, XII в.) [Там же: 350]; *ОртимѦ. Ѧне. нѣдоборной* 'Ортемию берет недоборный (вероятно, хлеб)' (№ 325, перв. пол. XIV в.): «*Ѧне* — диалектная форма 3 л. ед. ч. глагола *имати*, соответствующая стандартному *Ѧмлетъ*, с нулевым окончанием и рефлексом **мл'>н'*» [Попр.—XII: 223–224]; *а ты атче еси не възѦль коунь техъ: а не Ѧмли ничьтоже оу него* 'А ты, если [ещё] не взял тех денег, не бери у него ничего' (№ 109, кон. XI — нач. XII в.) [Зализняк 2004: 257]. Обратим внимание в последнем примере на тождество лексического значения *не възѦль* — *не Ѧмли*, различающихся, в сущности, только видовым значением СВ в индикативе — НСВ в императиве с отрицанием ('не взял — не бери'), ср. выше в той же грамоте *Ѧла* (*кнѦгини*) в значении 'арестовала'.

Видимо, *възѦти* и *имати* сближаются в своих значениях, а первичный глагол **Ѧти** все больше тяготеет к специализированному употреблению в значении 'схватить, поймать, взять в плен'. Возможно, это обособление **Ѧти** от *възѦти* и *имати* как основных глаголов, выражающих нейтральное значение 'взять — брать', могло способствовать закреплению у форм типа *иму* в сочетаниях с инфинитивом неполнозначного употребления.

3. Инфинитивные сочетания с *имуо* фиксируются в памятниках, по данным всех исследователей, с XIII в. (см. [Юрьева 2011: 76–86] и др.). Наиболее ранние надежные примеры этих конструкций при-

² «*Имати за сѦ* означает 'брать в свое распоряжение', 'брать себе'. Соответственно, *имати за свои отрокъ* означает здесь 'брать (с кого-то), передавая в распоряжение своего отрока', иначе говоря, брать через посредство отрока, т. е. доверяя ему эту операцию» [Зализняк 2004: 412].

надлежат смоленским грамотам XIII в.; обнаруживаются они также в древнерусских княжеских уставах (Уставе князя Владимира и Уставе князя Ярослава о церковных судах), первоначальные тексты которых тоже скорее всего относятся к этому времени³.

Показательно, что в тех же текстах встречаются формы типа *иметь, емлеть, възметь* — *възати* и в свободном употреблении.

В списках А и С торгового договора смоленского князя Мстислава с Ригой и Готским берегом (Смоленской грамоты 1229 г.) инфинитивных сочетаний с *иму* нет, но есть употребление формы 3 л. ед. ч. *иметь* в первичном значении ‘схватить, поймать’: *Которыи роусинъ или латинескыи имьтъ татя надъ тьмь юмоу свога въла. камъ юго хочеть тамъ дьжеть* ‘поймает вора’ (Смол. грам. 1229 г., статья 23, список А = список С) [СГ: 23, 33]; с той же формой эта статья договора читается и в списке В готландской редакции [Там же: 28], а также в списках Д и Е рижской редакции — с некоторым отличием синтаксической конструкции, но с сохранением того же употребления формы *иметь*, ср.: *Аже роусинъ или немчиць иметь тате оу свогею товара. а в томъ юго вола што хочеть то юго вола* (Смол. грам., статья 33, список Е перв. пол. XIII в. = список Д 1270–1277 гг.) [Там же: 43, 38] — т. е. чтение представлено во всех списках обеих редакций Смоленской грамоты.

Других употреблений глагола *яти* в списках А и В Смоленского договора нет, при этом широко употребляется глагол *възати* как в прямом значении ‘взять’, так и в устойчивом сочетании *тата* (*така, такова*) *правда възати* ‘следовать такому закону / установлению’ (см. [СДРЯ XI–XIV вв., VII: 454], см. примеры выше: *Которыи вълъчанинъ възьмьтъ латинескыи товаръ чересь вълъкъ въсти...* [СГ: 23] и др.); ср. также: *Тата правда роуси оузати оу ризь и на гочкомъ березь* [Там же] и под.; *послоу и по^н что оучинать. за двою того оузати два платежа* [Там же: 21]; *Аже боудьте първье на ньи сьръмь былъ възати юи гривна сьрббра за насилие* [Там же: 22] и др.

³ Как известно, в исторической науке нет единого мнения относительно времени создания первоначальных текстов Устава Владимира и Устава Ярослава: большинство исследователей относят создание их архетипов к более раннему времени (XI–XII вв.), предполагая при этом последующую переработку в XIII в. и позднее [ДКУ: 12, 85]. Не возьмусь решать эту текстологическую проблему, однако по лингвистическим данным, как кажется, нет оснований относить чтения княжеских уставов с *иму*-конструкциями ко времени ранее XIII в. — ничто не противоречит их датировке XIII в. или даже (для Устава Ярослава) XIV в. (см. об этом ниже).

Столь же широко употребляется глагол *възати* во всех списках Смоленского договора (в готландской редакции — в тех же чтениях, в рижской — с некоторыми текстологическими отличиями и с менее частым использованием устойчивого оборота *правда възати*).

В списках готландской редакции встречается также форма презенса глагола *имати* — *емлеть*: *Аже латининъ дастъ князю хълопоу въ закъмъ или инъмоу доброу члѣкоу. а оумрете не заплативъ. а кто љмльть љго ѡстатъкъ. тому платити немчиноу* ‘кто берет его наследство, тот должен платить’ (Смол. грам. 1229 г., статья 7, список А = списки В, С) [Там же: 22, 26, 32]. В списках рижской редакции в этой статье читается глагол СВ *възати*: *а кто љго задницю възметъ. то въ < у > того немчию товаръ възати* (Смол. грам., список Е, так же список Д) [Там же: 41, 36]. К вопросу об использовании глаголов СВ / НСВ в статьях этого договора, как и других юридических др.-рус. текстов, устроенных сходным образом, мы перейдем ниже. Сейчас обратим внимание на то, что во всех списках и редакциях Смоленской грамоты в свободном употреблении представлены глаголы *имоу* (от *яти*) в значении ‘схватить, поймать’, *љмлю* (от *имати*) в значении ‘брать’ и *възьмоу* — *възати* в значении ‘взять’.

В списках рижской редакции есть еще несколько случаев свободного употребления форм *иметь* (3 л. ед. ч.) ‘схватит’ и *имати* ‘брать’, т. е. в отмеченных выше разных лексических значениях — как члены видовой пары они в этих текстах фактически не соотносятся. Ср. контексты с формой 3 л. от глагола *яти*: *Аже оударить по лицу или за волосы љметъ или батогомъ шибеть. платити бесъ четверти гривна серебра* ‘за волосы схватит’ (Смол. грам., рижская ред., статья 3, список Е = список Д) [Там же: 40, 36]; *Аже љметъ роусинъ немчича оу своєю жены. за соромъ ꙗ. гривнъ серебра* ‘если русский поймает (= схватит) немца у свой жены...’ (рижская ред., статья 11, список Е = список Д) [Там же: 41, 36–37] — значение ‘схватить, поймать’ здесь очень выразительно. Ср. употребление *имати* в значении ‘брать’: *Аже боудеть роусиноу товаръ љматѹ на немчичи ли въ Ризь ли на Готьскомъ березе ли въ которомъ городъ немецкомъ. нѣ ити истьцю к ыстьцю.и възати емоу та правда котора та в томъ городъ. а рoubежа не дѣяти* ‘брать, конфисковывать товар’ (рижская ред., статья 23, список Д = список Е) [Там же: 38, 41]; *роусиноу же нелзь љматѹ немчича на железю. тако же и немчию роусина* (рижская ред., статья 9, список Д = список Е) [Там же: 36, 41] — в списках готландской редакции читается: *Роусиноу не въсти латинина ко жельзоу горячемоу* (готландская ред., список А = списки В, С) [Там же: 22, 27, 32].

Таким образом, в Смоленском торговом договоре князя Мстислава обеих редакций формы глагола *мати* типа *имоу*, *иметь* в свободном употреблении имеют значение ‘схватить, поймать’ и явно отрываются от используемых в нейтральном значении ‘брать — взять’ глаголов *имати* и *възати*. То же наблюдается и в Договоре неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом 1223—1225 г., ср. употребление формы *имоуть*: *Оже имоуть роусина вольного оу вольное жены. въ Ризь или на Гьтъскомь бьрътъзь. оже оубьють и тьтъ оубить. пакы ли не оубьють. платити емоу .ĩ. гри⁶ стьръбра* ‘если поймают вольного русского у вольной женщины...’ [Там же: 13] — ср. выше аналогичную статью в рижской редакции Смоленской грамоты кн. Мстислава.

Во всех смоленских грамотах XIII в. именно *имоу* используется в значении ‘схватить, поймать’, в отличие от нейтральных *имати* ‘брать’ и *възати* ‘взять’.

При этом в большинстве грамот встречаются и инфинитивные сочетания с *иметь* (3 л.).

В готландской редакции договора Мстислава *иму*-конструкция представлена только одним примером в списке В — в заключительной формуле «проклинательного» типа: *И которыи роусинь или латиньскыи противу сеѣ правды молвити иметь того почисти за лихыи моужь* (Смол. грам. список В, 1297—1300 г.) [Там же: 30]. В списке А этой конструкции соответствует тот же смысловый глагол в презенсе, а в списке С фазовый глагол *почнеть*, инфинитив при котором опущен (очевидно, дефектное чтение), ср.: *Которыи роусинь или латиньскыи противу сеѣ правды молвить. того почьсти за лихыи моужь* (Смол. грам. список А 1229 г.) [Там же: 25]; *Которыи русинь или латиньскыи противу сеѣ грамоты почнеть. того почисти за лихыи мужь* (Смол. грам. список С перв. пол. XIV в.) [Там же: 35]. Оказывается, что в этом контексте варьируются «начинательные» конструкции с *почнеть* / *иметь* и простой презент глагола *молвити*⁴.

В списках рижской редакции контекстов с *иму*-конструкцией немало больше (заметим, что и для свободного *иметь* ‘схватит, пойма-

⁴ Один пример *иму*-конструкции, видимо, старейший, засвидетельствован в Договоре неизвестного смоленского князя 1223—1225 г.: *Аже боудѣтъ смолнаниноу немьчичь дѣлжьнь въ Ризѣ или на Гьтъскомь берѣзѣ. правити емоу поемъши дѣтъскыи оу соуде. тьтъ ли дѣтъскыи не исправити возма мьздоу. поставити на нь дроугого. тьтъ ли еметь хьтрити а поставити и перед соудьею* ‘станет хитрить, возьмется хитрить’ [СГ: 12] (см. [Юрьева 2011: 77–78]) — видимо, с обобщенной презентной основой под влиянием *еметь* (*имати*); в списках договора Мстислава чтение этой статьи отсутствует.

ет' здесь представлено больше примеров, см. выше) — по два примера в совпадающих чтениях списков Д и Е, причем не в заключительной формуле «проклинания». В статье 10: *Или немъчьскый гость иметь сѧ бити межю собою мѣчи в Роуси или соулицами князю то не надобе никакому роусиноу. ать правать сѧ сами по своему соуду* (Смол. грам., список Д = список Е) [Там же: 36, 41] — ср. в готландской ред.: *Аже латинескый гость биеть сѧ мѣжю събою оу роуской земли любо мѣчем. а любо дървьемъ. князю то не надобе. мѣжю събою соудити* (Смол. грам., список А = списки В, С) [Там же: 22, 27, 32]. Чтение готланской редакции подтверждает предположение, что перед нами глагол *бити сѧ* (см. в [Юрьева 2011: 77] о возможности двойкой трактовки такого рода примеров, поскольку препозитивная по отношению к *бити* энклитика *сѧ* в принципе могла относиться к форме *иметь*). Как и в случае колебаний *молвить / иметь молвити*, перед нами колебание по спискам презенса и *иму*-конструкции с тем же глаголом.

Контекст второго примера из рижской редакции отличается от прочих тем, что *иму*-конструкция здесь употреблена не в части условия (как она вообще чаще всего употребляется в др.-рус. текстах), а в части санкции, ср.: *а како оуслышитъ волочьскый тивоунъ ожо гость немецкый съ смолняны приехалъ на волокъ. послати емоу члѣвка своего въ борзѣ къ волочаномъ ать перевозоуть немецкый гость и смолняны с товаромъ. а никто же не иметь имъ пакостити. зане в тои пакости велика пагоуба бываетъ ꙗкозѣ погани смолняномъ и немцомъ 'и никто не чинит / не станет чинить / (не должен чинить) им препятствий'* (Смол. грам., статья 15, список Д = список Е) [СГ: 37, 42]. В готландской редакции здесь читается конструкция с независимым инфинитивом другого глагола: *Аже тиоунъ оуслышитъ латинескый гость пришелъ послати ѣмоу люди с колы пьревѣсти товары. а не оудѣржати ѣмоу. аже оудѣржитъ оу томъ сѧ можете оучинити пагоуба* (список А = список В = список С) [Там же: 22–23, 27, 33].

Это единственный пример, где для *иму*-конструкции не исключено предположение о модальном значении долженствования, тем более что в другой редакции текста договора читается инфинитив со значением предписания 'не следует / нельзя удерживать'. Однако более вероятным здесь все-таки представляется видеть то же употребление форм презенса СВ / НСВ, что и в других статьях грамоты в обеих частях условной конструкции: 'Если тиун узнает, что немецкий купец со смолянами приехал на волок, ему следует сразу же послать своего человека к волочанам, чтобы они перевезли <...>, и никто не чинит / не станет чинить им препятствий <...>'. То, что перед нами пред-

писание, предполагающее модальность долженствования, имплицировано самой структурой др.-рус. юридического текста, обуславливающей особый режим его интерпретации (см. об этом ниже), — ср. с употреблениями презенса индикатива в части санкции других статей грамоты: *Аще который роусинъ возьметъ товаръ оу немчина а понесеть товаръ из двора. тыи товаръ не ворочаетъ са* ‘тот товар не возвращается’ (Смол. грам., статья 21, список Е = список Д) [Там же: 37, 42]; *Который роусинъ или латинескый иметь тата надъ тѣмъ ѿмоу свога вѣла камъ ѿго хочеть тамъ дѣжеть* ‘куда его хочет, туда (и) деваает’ (Смол. грам., статья 23, список А = список С) [Там же: 23, 33], в рижской ред.: *в томъ ѿго волѣ. што хочеть то ѿго волѣ* (список Е [Там же: 43]). Подобное употребление презенса индикатива обоих видов в соответствующих контекстах возможно и в современном русском языке, особенно в разговорной речи («куда хочет/ захочет, туда денет», «если возьмет товар, этот товар уже не возвращается» = ‘не подлежит возврату’).

Во всех инфинитивных *иму*-конструкциях смоленского торгового договора форма глагола *тати*, конечно же, не является полнозначенательной: перед нами устойчивый оборот, в котором этот глагол выступает в значении наступления новой ситуации, развившемся на базе его основного значения ‘взять, схватить, поймать’ (как мы видели, именно такое значение глагола *тати* — *имоу* становится к XIII в. основным). Это вторичное значение форм типа *имоу* принадлежит сфере начинательности — в инфинитивных сочетаниях *имоу* оказывается в кругу фазовых глаголов, обозначающих начало существования новой ситуации: *почноу / начноу* (ср. выше пример с колебаниями по спискам смоленского договора *имоу-* / *почноу-* конструкции), позднее появится *оучну* и принадлежащее той же семантической сфере начинательное значение разовьется у глагола *стать* — *стану* (см. [Молдован 2010]). Видимо, в вост.-слав. диалектах активное развитие получают инфинитивные сочетания с фазовыми глаголами начала действия, и именно такие сочетания оказываются продуктивным средством обозначения наступления новой ситуации в будущем (после момента речи) — именно они становятся главными конкурентами на грамматикализацию в будущее время.

Заметим при этом, что *иму* в переносном начинательном значении в составе инфинитивных конструкций, видимо, не был фазовым глаголом в узком смысле слова, обозначающим членимую на фазы ситуацию (в смысле [Падучева 2004: 180–181]), — это фазовость в широком смысле как обозначение наступления новой ситуации (см. [Там же]).

Однако вряд ли уже в этот ранний период *иму*-конструкции можно считать грамматикализованным будущим. Отсутствие модального значения и употребление в значении наступления новой ситуации еще не является достаточным доказательством того, что перед нами грамматическое будущее, — как не являются грамматическим будущим современные русские конструкции с *начну* и особенно со *стану*, вполне употребительные для обозначения ситуации в будущем [Стойнова 2016] (об активизации оборота *стану* + инфинитив в XVI–XVII вв. и о росте популярности *стать*-конструкции в XVIII–XIX вв. см. [Молдован 2010: 12–13]). Формы *стану* в составе этих оборотов (как и становящиеся более редкими *начну* [Там же]) являются полужнаменательными (фазовыми) глаголами, но не вспомогательными глаголами грамматического будущего. Думается, что такова же была ситуация и с *иму*-оборотами — по крайней мере, в др.-рус. эпоху.

Стоит обратить внимание также на то, что абсолютное большинство примеров *иму*-конструкций представлено в др.-рус. юридических текстах, по преимуществу в части условия. Как мы уже говорили в связи с трактовкой примера из рижской редакции Смоленской грамоты *никто же не иметь имъ пакостити* [СГ: 37, 42], режим интерпретации такого типа текстов обладает рядом специфических свойств, отличающих его как от нарративного, так и от речевого, — на это обратил внимание В. М. Живов [2008; 2017: 490–496]. Такой текст «не нуждается в категории времени, поскольку казусы и их разрешение описываются как вневременные зависимости. В силу этого время в глаголе оказывается в данных текстах избыточной категорией и в принципе допускается варьирование временных форм, не несущее семантической нагрузки. Первый член может, например, формулироваться как *убил муж мужа*, или *убьет муж мужа*, или *убивает муж мужа*, и смысл от этого не меняется» [Живов 2017: 491]. Такое варьирование презенса СВ / НСВ, т. е. настоящего / будущего широко представлено и в текстах смоленских грамот XIII в. — и в части условия, и в части санкции, ср. приведенные выше примеры СВ *възметъ латинескыи товаръ чересь вълкъ въсти* [СГ: 23], *задницю възметъ* ‘возьмет, получит наследство’ [Там же: 36, 41], *иметь тата / тате* ‘поймает вора’ [Там же: 23, 33, 38, 43], *за волосы иметь* ‘схватит за волосы’ [Там же: 40, 36] — НСВ: *ѣмлетъ ѣго встаткъ* ‘берет его наследство’; ср. НСВ других глаголов: *а которыи волочанинъ въскладываетъ товаръ немтъцкыи или смоленскыи на кола чересь волкъ въсти...* (статья 18, список Е) [Там же: 42]; *аще которыи немчинъ хочеть ити съ своимъ товаромъ в-ынъ городъ...* (статья 19, список Д)

[Там же: 37] — список Е *хочеть поити* [Там же: 42] и под., ср. выше аналогичные примеры употребления НСВ наряду с СВ в части санкции (с. 42).

Примеры подобных колебаний встречаются и в княжеских уставах (см. ниже).

Такое безразличное употребление настоящего или будущего в рассматриваемых текстах, строго говоря, не дает надежных оснований заключить, что конструкция *иму* + инфинитив здесь употребляется в значении будущего времени. Конечно, видовое значение СВ форм типа *иму* исключает значение собственно настоящего (актуального) и предполагает в речевом режиме интерпретации отнесение ситуации к будущему, но эти контексты, где временное противопоставление настоящего и будущего фактически снято, не могут быть надежным доказательством использования *иму*-оборота как средства референции к будущему.

Старейшие примеры *иму*-конструкций принадлежат именно таким текстам; ср. показательное колебание презенса НСВ *молвить* и конструкции *иметь молвити* по спискам смоленского договора в заключительной формуле (см. выше, с. 40); ср. характерные примеры таких же колебаний в Уставе Ярослава: *Аще моужь име^м красти конопль или ленъ и всякое жито, митрополиту .ѿ гриве^т. Тако^ж и женка. Аще моужь краде^м бѣлыя порты, или портища, или полотны, [и] митрополиту .ѿ гривны, и тако^ж и женка. Аще кто име^м красти сватебное и огородное — все митрополиту. <...> Аще жена (оу — Арх.) моужа краде^м и вбличити ю, митрополиту .ѿ гривны, а моужь казни^м ю <...> Аще кто кль^м краде^м (Арх. покраде^м) тако^ж твор^а^м (Уст. Яросл., Пространная ред., Основной извод = Археографический извод, статьи 32–37) [ДКУ: 88–89, 97] и др.*

Считать подобные контексты бесспорным доказательством того, что *иму*-конструкция выражает значение собственно будущего времени, а не начинательное аспектуальное значение типа ‘станет красть’, ‘возьмется красть’ с акцентом на семантическом компоненте активности субъекта и контролируемости действия (обратим внимание, во всех контекстах это агентивное значение), вряд ли есть достаточно оснований.

Употребление *иму*-конструкций в княжеских уставах сходно с описанным выше в смоленских грамотах.

В Уставе князя Владимира Синодальной редакции *иму*-оборот встречается в статье 9 и в заключительной формуле «проклинания», причем в статье 9 — в общем контексте с формой *иметь* в собствен-

ном лексическом значении ‘схватит’ (ср. выше употребление *иметь* ‘схватит, поймает’ во всех списках смоленского торгового договора) при изложении «казуса» драки: *...или два друга имета сѧ бити ѣдиногѧ жена иметь за лоно другаго и раздавитъ* ‘станут драться и жена одного схватит другого за лоно и раздавит’ (Уст. Влад., статья 9, Син. извод — так же в других изводах той же редакции [Там же: 23, 31, 38, 43, 47]) — ср. сходную конструкцию в рижской редакции смоленской грамоты: *Или немѣчьскыи гостъ иметь сѧ бити межю собою мѣчи...* (см. выше, с. 41, там же об аргументах в пользу большей вероятности отнесения *сѧ* к инфинитиву *бити*, подтверждающейся чтением той же статьи в списках готландской редакции грамоты).

Обратим внимание, что в той же статье 9 Устава Владимира в нескольких изводах текста одной редакции встречается форма *емлю^м* в своем лексическом значении ‘берут (зд. — изымают, достают)’: *или на стѣнах трѣьскы емлю^м ис креста* (Уст. Влад., Крестинский извод) и др. [Там же: 31, 38, 43, 47] — в пределах одной статьи *ѣти* ‘схватить’ и *имати* ‘брать, изымать’ употребляются в собственном лексическом значении и здесь же встречается *имета (сѧ бити)* в составе инфинитивной конструкции с начинательным значением ‘станут, возьмутся’. Связь прямого и переносного значений форм типа *иметь* — *имета*, как кажется, вполне отчетлива.

В заключительной формуле «проклинания» *иму*-конструкция читается в наиболее архаичной версии Синодального извода один раз, в других изводах — дважды или даже трижды: *Кто иметь преступати правила си, или дѣти мои, или правнучата, или в’ которомъ городѣ намѣстникѣ, или тиоунѣ, или соудѣа, а поубидать соудѣ ѣрѣвныи или кто иньи, да будутъ проклати в’ сии вѣкъ и в’ боудоущиѣ семю зборовѣ стѣхъ ѡць вселеньскѣхъ* (Уст. Влад., Син. извод) — в других изводах: *а иму^м убидѣти суды ѣрѣковныѣ или ѡимати* [Там же: 24, 33, 41, 44].

Употребление *иму*-оборота в такого рода заключительных формулах утверждения незыблемости установленного закона становится довольно устойчивым — ср. выше такой пример в списке В смоленской грамоты с колебанием по спискам *противоу сѧа правды молвити иметь* (список В) / *мѣлвити* (список А) / *поцнетъ* (список С) — см. выше, с. 40; ср. более раннюю, вероятно, по времени возникновения формулу с *почнетъ* в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: *Даже которыи князь по моѣмъ княжении почнетъ хотѣти ѡѣати оу стѣго Геврѣга а бѣ боуди за тѣмъ и стѣа бѣа и тѣ стѣи Геврѣгии* [Хрест.: 33].

В Уставе Ярослава в заключительной формуле «проклинания», как и в Уставе Владимира, тоже используется *иму*-конструкция, одна-

ко в одном из изводов она заменена на конструкцию с *почнуть*: *А хто иметь судити стане^m съ мною на страшньмъ судъ пре^d бѣмъ, и да буде^m на не^m клятва стыхъ ѿць .т̄. и .т̄и. и^ж в Никіи и всь^x стыхъ* (Уст. Яросл., Пространная ред., Основной извод и др.) [ДКУ: 91, 93, 99, 103] — ср. в Архивском изводе той же редакции: *А чре^c се кто почне^m судити, сам оскудеетъ и клятва и бл^веніе на ни^x стыхъ ѿць иже в Никіи .т̄и.* [Там же: 107].

В целом же в Уставе Ярослава *иму*-конструкция заметно более употребительна сравнительно с Уставом Владимира и со смоленскими грамотами XIII в., что склоняет в пользу предположения о несколько более позднем формировании / редактировании этого текста. При этом то же варьирование *иму*-конструкций / презенса НСВ того же глагола / презенса СВ — в соседних статьях или в разночтениях одной статьи по разным версиям текста — представлено и здесь. Ср. выше (с. 44) пример с колебаниями форм *име^m красти / краде^m / покраде^m* в статьях 32–37 (38); ср. также в статье 17 (18) колебания по спискам: *Аще кто име^m двѣ жены водити, митрополиту .к̄. гриве^t* (Уст. Яросл., Пространная ред., Основной извод = Археограф. извод) [Там же: 87, 95] — *Аще кто води^m двѣ женѣ еп̄^тпу .к̄. гри^t* (Маркел. извод = Архивский извод) [Там же: 101, 104] и т. п.

Встречаются и единичные колебания по спискам *иму*-конструкции и *начну*-конструкции, ср. в перечне оснований для развода («ропусты»): *А се .ѣ.а вина, иже име^m ипро^ч мужа (своего) ходити по игрища^m или въ дни, или в нѣщи, а не послушати име^m, розлучити* и (Уст. Яросл., Основной извод = Археограф. извод = Маркеловский извод) [Там же: 90, 99, 103] — *Аже жена начне^m ходи^m по игрищамъ опро^ч воли мужа свое^c...* (Архивск. извод) [Там же: 106].

Однако в целом конструкции с *иму* в Уставе Ярослава значительно более употребительны, чем конструкции с *начну* (*почну*). Складывается впечатление, что это уже следующий шаг по пути к грамматикализации *иму*-оборота сравнительно с Уставом Владимира и смоленскими грамотами XIII в. (не встречается свободного употребления форм типа *иму* — *име^m*, высокая частотность конструкции *име^m* + инфинитив). Однако говорить о завершении грамматикализации по этим данным, как кажется, все-таки еще рано. Во всех подобных контекстах с *иму*-конструкцией наиболее вероятно видеть начинательное значение типа ‘станет делать что-л.’ (заметим, кстати, что во всех случаях это агентивное значение), а не собственно будущее время.

По данным И. С. Юрьевой, в летописях конструкция *иму* + инфинитив фиксируется со второй половины XIII в.: самые ранние приме-

ры — в Волынской летописи (с 1261 г., 4 примера) и в Суздальской летописи под 1283 г. (1 пример) [Юрьева 2009: 84–87; 2011: 78–79]. Здесь уже встречается использование *иму*-конструкции в нарративе — точнее, в придаточном изъяснительном, т. е. синтаксическом режиме интерпретации текста, ср.: *и посла с Василкомъ три татаринъ. именемъ Коуичита Ашика Болюга и к томоу толмача розоумьюща роу-скыи ѣзь (sic!) што иметь молвити Василко приѣхавъ подѣ городѣ* (ВЛ, 1261 г., л. 283об) — ‘что станет говорить Василько, приехав к городу’ (см. [Юрьева 2009: 85; 2011: 78]). В остальных примерах *иму*-оборот употреблен в прямой речи, причем дважды — в хорошо известной по юридическим текстам условной конструкции (в части условия), ср.: *уже имешь княжити во Краковѣ. тотъ мы готовъ твои* (ВЛ, 1287 г., л. 301); *кто иметь держати споръ с свои^м баскако^м тако юму буде^т* (СЛ, 1283 г., л. 170); в двух других случаях — вне условных структур, что говорит о вполне свободном использовании этого оборота, не связанном с устойчивым формуляром, ср.: *а тѣма сѧ имоу оутѣшивати* ‘ими стану / буду утешаться’ (ВЛ, 1268 г., л. 288об); *мнѣ не воставши смотреть что кто иметь чинити по моему животъ* (ВЛ, 1283 г., л. 299об) — последний контекст представляет собой текст завещания (князя Владимира Васильковича), т. е. делового документа в составе летописи (см. [Юрьева 2009: 85–87; 2011: 79]).

Несомненно, перед нами начинательная конструкция, выражающая отнесение наступления ситуации к будущему, становящаяся все более употребительной со второй половины XIII в., особенно в деловом языке, однако вряд ли это уже грамматикализовавшееся будущее время: скорее всего, семантический компонент контролируемости действия активным субъектом, связанный с исконным значением формы *иметь* ‘схватит, поймает’, в др.-рус. эпоху еще присутствует. Ближе всего по семантике, очевидно, эти др.-рус. обороты к современным русским оборотам со *станет*.

В новгородских берестяных грамотах самый старший пример *иму*-конструкции представлен в грамоте № 364 последнего двадцатилетия XIV в., причем в одном контексте с *почну*-конструкцией: *какѣ/имешь продавать и ты/даи намъ ржи на полти/ну какѣ людомъ поц/нешь давать* (№ 364) [Зализняк 2004: 606] — перевод А. А. Зализняка: ‘Когда будешь продавать, дай нам ржи на полтину — как людям станешь давать (т. е. на тех же условиях)’ [Там же]. Обратим внимание на перевод и комментарий к нему А. А. Зализняка: *имешь продавать* переводится здесь как ‘будешь продавать’, чтобы передать отличие от еще менее формализованного *поцнешь давать* ‘станешь давать’, а в ком-

ментарии говорится, что «<с>очетание *поцнешь давать* 364 носит достаточно свободный характер <...> Несколько большей степенью грамматикализации, по-видимому, обладает сочетание *имешь продавать*» [Зализняк 2004: 607]. Сравнительно с сочетаниями с *почнешь иму*-конструкция в большей степени формализована, продвинута по пути грамматикализации, *иму*-глагол оторвался от своего лексического значения, но эта грамматикализация, по всей видимости, еще не была завершена.

Возможно, ситуация была менее продвинутой в Новгороде сравнительно с Центром и другими диалектными зонами, где эта конструкция в XIV в. была более употребительной [Юрьева 2011: 78]; обратим внимание также на то, что в материале берестяных грамот помимо рассмотренного примера *иму*-конструкция зафиксирована всего дважды в одной и той же грамоте № 962 XV в. (оба примера в условном предложении: *кто иметь тыи пожни косить. и азъ тыхъ поймаю* <...> *Толко, оспо, имете мене жаловать, оштошлите, осподо, {и}ко мнъ грамотьку до Петрова дни* [НГБ XII: 69, 73]), — ср. высокую употребительность *иму*-оборота в московских и других северо-восточных деловых документах XIV–XV вв. [Борковский 1949: 149; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Пенькова 2019].

Однако в целом, как кажется, применительно к собственно древнерусской эпохе (по XIV в. включительно) говорить о завершении грамматикализации конструкции *иму* + инфинитив еще рано. Конкуренция инфинитивных оборотов с *иму* и более свободных сочетаний с *почну* /*учну* и *стану* наблюдается и в московских документах XV–XVI вв. (см. [Кузнецов 1953: 254; Горшкова, Хабургаев 1981: 322]); о конкуренции *стану*, *почну* и *учну* см. [Молдован 2010: 9–10]). Каждый из этих оборотов, выражая наступление новой ситуации и относя ее к плану будущего, долго сохранял при этом свою семантическую специфику, связанную с лексическим значением формирующего конструкции глагола. *Иму*-оборот на значительной части вост.-слав. территории оказался наиболее конкурентоспособным: как мы видели, уже в позднерусскую эпоху значение его базового глагола *иму* фактически оторвалось от полнозначительного. Однако агентивность семантики с выраженным компонентом контролируемой начинательности (наступательности) не дает оснований считать эту конструкцию в древнерусском нейтральным грамматикализованным будущим временем. Грамматикализации этот оборот, по всей вероятности, достигнет в части вост.-слав. диалектов в старорусскую эпоху.

Литература, источники, сокращения

- Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
- ВЛ — Волынская летопись XIII в. по Ипатьевскому списку [Ипат.: 848–938].
- Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Е. В. Торопова. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Гудков 1963 — В. П. Гудков. Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 38. Славянское языкознание. М., 1963. С. 38–45.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976.
- Живов 2008 — В. М. Живов. Юридические кодексы и режим интерпретации // Динамические модели. Сборник в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 309–328.
- Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. Т. I. М., 2017.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку [Ипат.: 284–715].
- Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Маслов 1961 / 2004 — Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.
- НГБ XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.

- НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- ПВЛ — Повесть временных лет [Лавр.: 2–286, Ипат.: 2–283].
- Пенькова 2019 — *Я. А. Пенькова*. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // *Slavistična revija*. 2019. Vol. 67. No. 4. С. 569–586.
- Попр.—ХІІ — *А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк*. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015. С. 196–275.
- Потебня 1888 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Харьков, 1888.
- СГ — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.
- СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–. М., 1988–.
- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку [Лавр.: 287–488]. Срезн., III — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912.
- СС 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. М. Благовой. М., 1994.
- Стойнова 2016 — *Н. М. Стойнова*. Аналитическая конструкция будущего времени. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
- Хрест. — *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.
- Шевелева 2017 — *М. Н. Шевелева*. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
- Шевелева 2019 — *М. Н. Шевелева*. О древнерусском глаголе *имѣти*, possessивных конструкциях и сложном будущем с *имамь / имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.
- Юрьева 2009 — *И. С. Юрьева*. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Юрьева 2011 — *И. С. Юрьева*. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.
- SJS, IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. IV. Praha, 1997.

Я. А. Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Университет
Восточной Финляндии
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ
О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ
ГЛАГОЛА *СТАТИ*
В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Научные интересы Александра Михайловича Молдована настолько обширны, что их без преувеличения хватило бы на несколько выдающихся ученых-филологов. Помимо магистральных направлений среди интересов юбиляра есть и частные сюжеты. Одному из таких сюжетов — истории фазового глагола СТАТЬ в русском языке — посвящена небольшая статья [Молдован 2010]. С этой статьей я познакомилась, еще будучи аспиранткой, когда работала над кандидатской диссертацией, связанной с историей будущего времени в древнерусском языке. Статья открывала для меня возможности на тот момент совершенно нового инструмента — Национального корпуса русского языка, показывая превосходство исследования, опирающегося на данные корпуса, над традиционной «интуитивной» лингвистикой. Однако одним из главных достоинств этой статьи было то, что в ней впервые на широком материале источников конструкция СТАТИ с инфинитивом исследовалась как один из элементов целостной эволюционирующей системы инхоативных конструкций с различными вспомогательными глаголами (ПОЧАТИ, НАЧАТИ, УЧАТИ, СТАТИ).

Имея возможность поздравить Александра Михайловича с юбилеем, я хотела бы предложить на суд юбиляра свой скромный вклад в дальнейшее исследование истории фазового глагола СТАТИ на материале исторических модулей НКРЯ. Эта работа фактически реализует программу, которая была сформулирована в [Молдован 2010], когда существовал только корпус современного русского языка, а диахронический корпус еще не был создан, — верифицировать наши представления об истории фазового глагола СТАТИ, сформулированные в докорпусную эпоху.

1. Предварительные замечания

Инфинитивной конструкции с глаголом СТАТЬ посвящена обширная литература. На материале современного русского языка различия между фазовыми глаголами СТАТЬ и НАЧАТЬ рассмотрены в работе [Короткова, Сай 2006]:

«Основное различие в семантике этих двух глаголов сводится к тому, что *начать*... делает акцент на фазовой структуре... тогда как для *стать*... фазовая структура события нерелевантна, внимание же акцентируется на контрасте между той временной зоной, когда Р имеет место, и предшествующей ей зоной, когда Р не имеет места»:

- (1) *Не критикуйте его, он только начал/*стал писать!* (т. е. он находится ещё в первой части писательского пути.) [Там же: 98].

В современном русском языке СТАТЬ в инфинитивных сочетаниях конкурирует не только с НАЧАТЬ, но и с БЫТЬ в форме будущего времени. Конкуренция конструкций СТАНУ + инфинитив vs. БУДУ + инфинитив подробно проанализирована Н. М. Стойновой [2019]. В указанной работе выявлены тонкие различия между вспомогательными СТАНУ и БУДУ на основе сравнения случаев их взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости. Последние объясняются тем, что в соединении с инфинитивом СТАНУ, в отличие от БУДУ, требует отчетливого контраста с настоящим или акцента на инхоативном компоненте, тогда как БУДУ такого ограничения не знает, ср:

- (2) *Нужно было успокоиться, то есть подумать о другом, и я вспомнил о том, что в семнадцать часов Р. будет <??? станет> ждать меня в Гидрографическом управлении* (В. Каверин. Два капитана (1938–1944)) [Там же: 67].

С диахронической точки зрения фазовый глагол СТАТИ также не раз становился предметом описания, однако в исторических грамматиках он упоминается лишь вскользь, поскольку остается «в тени» конструкции БУДУ + инфинитив, на которой и сосредоточено главное внимание авторов, ср. [Кузнецов 2005: 250–257; Горшкова, Хабургаев 1981: 317–325]. Более подробный комментарий о СТАТИ в соединении с инфинитивом можно найти в Исторической грамматике Е. А. Галинской [2016], которая фиксирует активизацию СТАТИ с инфинитивом с конца XVI в. Более высокая частотность СТАНУ в сравнении с БУДУ объясняется тем, что оборот СТАНУ + инфинитив, в отличие от БУДУ + инфинитив, входил в норму приказного языка [Там же: 391].

Х. Кржижкова в монографии о развитии аналитического будущего в славянских языках посвящает конструкции СТАНУ + инфинитив отдельную главу [Křížková 1960: 145–150]. Исследовательница указывает, что СТАНУ + инфинитив фиксируется в текстах с XVI в., однако употребляется редко (в деловом языке того времени преобладает перифраза *учну + инфинитив*). Исключение составляют два ранних примера из новгородских пергаменных грамот XII в. (**станеть тяжатися; станеть творить**), однако с оговоркой, что они дошли до нас в списках XVI в.

А. М. Молдован [2010: 7] добавляет к этим примерам еще один ранний случай фиксации рассматриваемой конструкции — из Новгородской первой летописи старшего извода: **с т а в и т и с я противоу нхъ съ своими людьми** [НПЛС 1950: 75], а также приводит многочисленные свидетельства других славянских языков, в которых глагол СТАТИ развивает употребления с инфинитивом. Опираясь на эти факты, исследователь выдвигает гипотезу о более раннем — предположительно, общеславянском — происхождении конструкции СТАТИ + инфинитив.

Х. Андерсен [Andersen 2006] предлагает внутригенетическую типологию перифрастического будущего в славянских языках, рассматривая инхоативные конструкции (с вспомогательными глаголами *иму, начьну, почьну, учьну*) как восточнославянскую особенность. Конструкция СТАНУ + инфинитив лишь вскользь упомянута в работе и отнесена к другому (маргинальному) типу, несмотря на то что она прекрасно вписывается в указанную закономерность, также представляя собой перифразу с инхоативом.

О. Сван в статье, посвященной анализу причин победы БУДУ + инфинитив в борьбе за роль аналитического будущего глаголов несовершенного вида, рассматривает конструкцию СТАНУ + инфинитив как одну из главных конкуренток БУДУ + инфинитив [Swan 2012]. Он считает, что БУДУ в конструкции с инфинитивом послужил лишь заменой вспомогательному глаголу СТАНУ в уже грамматикализованной форме аналитического будущего.

В [Пенькова 2019] этот тезис подвергается сомнению как не подтверждаемый данными источников. Согласно материалу старорусского корпуса, ни СТАНУ + инфинитив, ни БУДУ + инфинитив нельзя признать формами аналитического будущего в среднерусский период, поскольку они характеризуются низкой частотностью. О широкой степени их распространения можно говорить только начиная с конца XVII — начала XVIII в.

2. Источник грамматикализации СТАНУ + инфинитив

Вопрос об источнике грамматикализации СТАНУ + инфинитив не раз обсуждался в литературе. По мнению, высказанному в [Короткова, Сай 2006: 96], перед нами «классический случай грамматикализации» на основе связочных употреблений. Тот же тезис находим и у Х. Кржижковой:

«Etymologicky je stanu spojeno se stati = „stanouti“. Z tohoto významu je odvozeno stati-stanu ve významu „státi se (něčím, nějakým)“ a dále pak význam počátku nějaké činnosti» ‘этимологически *стану* связано со *стату* = “стать”. От этого значения произошло *стату-стану* в значении “стать кем-либо, каким-либо”, и далее [развилось] значение начала какого-либо действия’ [Křížková 1960: 145].

Исследовательница проводит аналогию с немецким вспомогательным глаголом WERDEN, оформляющим аналитическое будущее в соединении с инфинитивом в немецком языке. Исторически WERDEN образовывал инхоативную конструкцию только с причастием, а затем распространился и на конструкции с инфинитивом. Аналогичное развитие постулируется и для СТАТИ, однако предполагается также косвенное влияние других фазовых глаголов (НАЧАТИ, ПОЧАТИ, ЪАТИ) [Там же: 146].

Несмотря на то что этот же маршрут для WERDEN + инфинитив признан во влиятельной работе [Heine, Kuteva 2002: 64–65], аналогия между СТАТИ и немецким вспомогательным глаголом WERDEN представляется не вполне оправданной, поскольку до сих пор не предложено надежного объяснения грамматикализации WERDEN + инфинитив: наряду с гипотезой, озвученной Х. Кржижковой, существует множество других гипотез, среди которых — фонетическая редукция (утрата презентным причастием конечного -d(e)), синтаксическая аналогия со средневерхненемецкими инхоативными конструкциями BEGINNEN/ERSTÄN ‘начать/встать’ + инфинитив [Willmanns 1897–1909, 3: 177] или с футуральными перифразами SULN/WELLEN ‘быть должным/хотеть’ + инфинитив [Harm 2001: 290–294], а также калькирование западнославянского аналитического будущего с вспомогательным *VQDQ [Leiss 1989] и другие гипотезы, см. также [Jäger 2020].

В диссертации, посвященной формированию аналитического будущего с глаголом ‘быть’ в славянских языках, американская славистка М. L. Whaley косвенно затрагивает вопрос о грамматикализации СТАТИ с инфинитивом в истории русского языка, проводя ана-

логию между БУДУ и СТАНУ [Whaley 2000: 141–143]. По мнению исследовательницы, СТАНУ, как и БУДУ, развился в фазовый глагол, способный присоединять инфинитив НСВ, благодаря возможности употребляться в качестве связки с трансформативным ('change of state') значением.

Истории СТАТИ в качестве связки при именном сказуемом посвящена статья Д. В. Руднева [2010], который отмечает, что связочные употребления у этого глагола в древнерусском языке очень редки, а инфинитивные развиваются не ранее XVI в. Вопрос о диахронической связи между связкой и инхоативным вспомогательным глаголом СТАТИ автор не рассматривает.

Таким образом, в литературе абсолютно преобладает точка зрения, что инхоативная конструкция СТАТИ + инфинитив развивается на основе трансформативного значения СТАТИ (связочных употреблений), т. е. возникает в результате синтаксической аналогии. При этом такая точка зрения, вполне обоснованная типологически, ни в одной из указанных работ не подкреплена данными источников.

Грамматикализация глаголов движения и позиции, к которым при-мыкает и глагол СТАТИ, рассматривается в монографии Т. А. Майсак [2005]. В центре внимания автора — глаголы позиции, прежде всего, с чисто стативными значениями 'сидеть', 'стоять' и т. п., однако в разделе о периферийных путях грамматикализации бегло упоминаются и глаголы с семантикой 'подниматься, вставать'. Исследователь показывает, что глаголы позиции, наряду с более типичными для них путями грамматикализации, могут также развиваться в инхоативы, показатели перфектива, гортатива, следования и эпистемической возможности. Однако СТАТИ не является типичным глаголом позиции, поскольку имеет в семантике динамический компонент изменения положения в пространстве, — следовательно, может обладать свойствами не только глаголов позиции, но и глаголов движения. И если первым не свойственно развиваться в инхоативное будущее, то для вторых это является весьма типичным (ср. широкую склонность глаголов со значениями 'идти', 'приходить' эволюционировать в показатели футурума [Bybee et al. 1994]). Немецкий глагол WERDEN с исконным значением 'повернуться', также совмещающий семантические компоненты движения и позиции, в этом отношении как раз близок глаголу СТАТИ.

Цель настоящей работы — верифицировать пути грамматикализации конструкции СТАТИ + инфинитив, обратившись к материалу исторических модулей Национального корпуса русского языка:

древне-, среднерусского подкорпусов и корпуса берестяных грамот. Мы будем различать употребления СТАТИ в качестве матричного предиката в различных значениях (СТАТИ¹), в роли связки с трансформативным значением (СТАТИ²) и в конструкции с инфинитивом в инхоативном значении (СТАТИ³), ср. соответственно примеры (3), (4) и (5):

- (3) Да станемъ въ ноши на мѣтвѣ аще же и в полоу ноши [Пчела]¹;
- (4) А дворовъ было в Застении тогда 6500... а всѣ были жилы, а стали пусты от намѣстниковъ и их тиуновъ [Отрывок из Копенгагенского сборника (1456–1510)];
- (5) А мы псковичи отъидемъ от великого князя в Литву или в Нѣмцы или о себѣ станемъ жити безъ государя, ино на нас гнѣвъ Божии, глад и огонь и потопъ и нашествие поганыхъ [Псковская 3-я летопись: Архивский 2-й список (1400–1650)].

3. Лексическая многозначность *стати*

Глагол СТАТИ¹ обладает широко развитой многозначностью: в Словаре древнерусского языка [СДРЯ: 520–529] у глагола СТАТИ выделяется 22 значения, в Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ: 22–27], привлекающего также материал более поздних памятников, — 32 значения, 28 из которых представляют собой полнозначенательные употребления:

1. ступая, занять какое-л. место или принять какое-л. положение; статья;	7. выступить против кого-, чего-л., воспротивиться;
2. остановиться, достигнув какого-л. места;	8. встать на защиту кого-, чего-л., заступиться за кого-, что-л.;
3. расположиться, остановиться где-л. (лагерем, на постой, жительство и т. п.);	9. занять какое-л. общественное положение, вступив в какой-л. сословный разряд, получив какую-л. должность, титул, сан;
4. явиться, предстать;	10. оказаться (в каком-л. состоянии, положении);
5. встать (на ноги), подняться;	
6. подняться, ополчиться против кого-л.;	

¹ Здесь и далее, если не указано иное, цитаты, названия источников и их датировка приводятся в соответствии с НКРЯ.

11. осуществить действие, названное именем существительным;	20. покрыться льдом, замерзнуть;
12. устоять, выстоять;	21. установиться, образоваться (о зимнем пути, ледяном покрове);
13. сохраниться, не исчезнуть;	22. простоять (о погоде);
14. прекратиться;	23. остаться (без чего-л.);
15. возникнуть, появиться, создаться;	24. хватить, быть достаточным или иметься в достаточном количестве;
16. настать, наступить, начаться;	25. хватить на что-л.;
17. произойти, случиться;	26. обойтись в какую-л. сумму, стоить;
18. простереться, расположиться;	27. получиться в сумме, в итоге;
19. поместиться;	28. подтвердиться.

Несмотря на такой широкий семантический диапазон, все употребления можно разделить на несколько больших типов. Так, отчетливо выделяется группа значений, связанных исконной архетипической семантикой *изменения положения в пространстве* — перехода в вертикальное положение (1, 5). Эти значения становятся источником и для многочисленных метафорических употреблений (4, 6, 7, 8, 11, 12).

Вторая группа значений — *локативные*. Они возникают тогда, когда фокус с компонента ‘изменение позиции’ переносится на результирующую фазу — нахождение в каком-либо месте как результат осуществленного движения. В этом случае СТАТИ расширяет семантику до ситуаций, в которых положение субъекта уже не имеет значения, а важна только локация. На данном этапе субъектом могут становиться также неодушевленные имена существительные:

- (6) **Прїиде тоу҃ча. Ѡ вѣстока мала. и ста на(д) верхомъ не покрыты(м) тоа цѣкве. и шдож(д)и надъ гровомъ стѣмъ** [Хожение игумена Данила].

К локативным значениям можно отнести значения 2, 3, 18, 19; а их метафорическими расширениями являются, по всей видимости, значения 9 и 10. В локативной группе отдельное место занимают значения, в которых конечная точка движения осмыслена не как результат, а как остановка, т. е. прекращение движения (2). Последние могут быть источником таких событийных значений, как 14 (‘пре-

кратиться') и 20 ('покрыться льдом, замерзнуть', т. е. остановиться в результате замерзания').

Третья группа значений — *бытийные* (13, 14, 15, 16, 17). Они, по-видимому, являются производными от локативных. На этом этапе эволюции семантики глагол СТАТИ расширяет сочетаемость до событийных имен существительных:

(7) *Люта сѣѣ ч а с т а шкрѣстѣ съсѣдѣ* [История Иудейской войны Иосифа Флавия].

Отдельно можно выделить и особые, *количественные* значения СТАТИ типа 'хватить, быть достаточным' и под. (24, 25, 26, 27), являющиеся производными от бытийных употреблений. Эти употребления развиваются относительно поздно (фиксируются не ранее XV в.) и очевидным образом не служат источником превращения в глагол-связку или инхоатив.

В типологической литературе предлагаются следующие схемы семантической эволюции глаголов позиции: от исходного употребления к локативному и далее бытийному глаголу с последующим развитием в аспектуальный показатель. В самом общем виде эта семантическая эволюция выглядит следующим образом:

позиция > *локативность* / *бытийность* > *аспектуальность* (см. подробнее [Майсак 2005: 269] со ссылкой на другие работы).

По мнению Т. Кутевой, локусом грамматикализации глаголов позиции является сочинительная биклаузальная конструкция в сочетании с расширенным использованием глагола позиции, ср.:

(8) болг. *Дрехите седят в коридора и сбират прах* 'одежда находится в коридоре и собирает пыль' [Kuteva 1999: 206–210].

Однако Т. А. Майсак ставит под сомнение обязательность расширенного локативного употребления глагола позиции, так как существуют языки, в которых глаголы позиции грамматикализованы как различные аспектуальные показатели, однако при этом не имеют локативных употреблений. Иными словами, глагол позиции может напрямую грамматикализоваться в аспектуальный показатель, даже если он не эволюционировал в локативный глагол или в связку [Майсак 2005: 272].

Т. А. Майсак [там же: 354–356] также описывает пути эволюции конструкций с глаголами движения и позиции в показатели будущее-

го времени и показывает, что глаголы движения развивают значение будущего времени через стадию обозначения движения субъекта к цели, тогда как глаголы позиции (типа ‘сидеть’, ‘стоять’) — через нахождение рядом с ситуацией: ‘субъект находится возле Р’ > ‘субъект вот-вот осуществит Р’.

Перейдем к анализу древне- и среднерусского материала и попытаемся реконструировать пути грамматикализации СТАТИ.

4. Употребления глагола стати по данным древнерусского корпуса

Древнерусский период предшествует широкой фиксации инхоативных инфинитивных конструкций с вспомогательным СТАТИ в письменности. На наш взгляд, именно в этот период следует искать предпосылки грамматикализации СТАТИ с инфинитивом. На материале древнерусского корпуса были отобраны все контексты с глаголом СТАТИ (496 примеров). К этим примерам были также добавлены четыре контекста из корпуса берестяных грамот. Затем все примеры были классифицированы по следующим типам: СТАТИ как глагол позиции, как локативный глагол, как бытийный одностный предикат, как глагол-связка (двухместный предикат с трансформативным значением) и как аспектуальный инхоативный показатель.

В качестве глагола позиции СТАТИ довольно широко представлен в древнерусских памятниках. В рамках этого типа мы рассматриваем как прямые (9), так и переносные употребления (10), источником метафоризации которых, очевидным образом, является СТАТИ в своем исконном значении, ср.:

(9) **Толко в (д)ентѣи стѣанѣть коли мажють и мюромь** [Вопрошание Кириково];

(10) **И не имамъ оубѣвнѣти. но станемъ крѣпко** [Повесть временных лет].

СТАТИ наиболее частотен в древнерусских памятниках как локативный глагол: именно этот тип составляет более половины от общего числа употреблений. В локативных контекстах интерпретация СТАТИ может быть амбивалентна: в некоторых случаях провести четкую границу между значениями ‘расположиться’, ‘занять позицию для во-

енных действий' и 'прекратить движение, остановиться' оказывается весьма непросто. Приведем пример:

- (11) и идоша · Гдрополкъ · Гюрги · Андрѣи · к Чернигову на Улговичѣ · и с т а ш а н е дошедше города · [‘расположились около города / остановились около города’] и стоаше нѣколько днѣи · и воротишася [Суздалская летопись].

Контексты, в которых СТАТИ употреблен как бытийный одноместный предикат, встречаются значительно реже — их менее 5 % от общего числа употреблений, однако это может быть связано исключительно с редкой фиксацией таких контекстов в источниках. СТАТИ как бытийный одноместный предикат встречается в таких архаичных памятниках, как «Повесть временных лет», Новгородская Первая летопись старшего извода, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, так что не возникает сомнений в том, что СТАТИ мог употребляться в такой функции уже в раннедревнерусский период, ср.:

- (12) И ѿтолѣста дороговъ купляху хлѣбъ по · бѣ коунѣ · а кады ржи по · г · грѣнѣ [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список];
- (13) Днѣи тѣми ина бѣ да с т а в ѣ Іер(ѣ)лмѣ. [История Иудейской войны Иосифа Флавия].

Употребления СТАТИ², т.е. двухместного связочного предиката, в древнерусском корпусе единичны. Фиксируется три одинаковых примера (статѣ цѣсаремь) в «Повести о взятии крестоносцами Царьграда» в составе Новгородской Первой летописи старшего извода, приведем один из этих контекстов:

- (14) В ѣ цр(ѣ)твѣ нсаковѣ вра(тѣ) свокого кого же слѣпивъ а самъ ц(ѣ)рмь с т а [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список].

По данным Д. В. Руднева [2010], еще по одному примеру обнаруживается в Рязанской кормчей, Хронике Георгия Амартола и пергаменной грамоте 1393 г., не входящих в состав древнерусского корпуса: аще кто неоженився станеть презвѣтгером (КР 1284, 666–в), еп(с)пмъ стати (ГА XIII–XIV, 78об.), мон были слуги и тни стали нам ворог (ГР 1393, I) (цит. по: [Руднев 2010: 181]).